

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ ССCLIV.

1904.
ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1904.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Именные Высочайшіе указы	3
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. просьв.	26
IV. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	32
V. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	42
VI. Определеія ученаго комитета мин. нар. пр.	46
VII. Определеія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	52
Н. Н. Дебольскій. Истинный омыселъ субъективизма	1
С. М. Кульбакинъ. Матеріалы и замѣтки по славяновѣдѣнію	18
А. М. Ону. Наказы третьяго сословія во Франціи въ 1789 году. V (продолженіе)	48
К. К. Истоминъ. Нѣкоторыя данныя о протографѣ еллинокаго хѣсописца	80
М. П. Помяловскій. Очерки изъ исторіи Новгорода въ первый вѣкъ московскаго владычества	96

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

М. А. Дьяконовъ. Древности русскаго права. Томъ третій. Землевла- дѣніе.—Тагло.—Порядокъ обложенія. В. Сергѣевича. С.-Пб. 1803	136
В. П. Бузескуль. <i>Právek, Dějiny Starověkých Národů východních.</i> V Praze. 2 т. (безъ обозначенія года)	207
Г. Э. Зенгеръ. Отвѣтъ профессору Э. Ф. Вержбовскому	209
Е. Спекторскій. <i>Н. Я. Громъ.</i> Философія и ея общія задачи. Сбор- никъ статей, подъ редакціей Московскаго Психологиче- скаго Общества. С.-Пб. 1904	226
В. И. Чернышевъ. Отвѣтъ на рецензію Н. М. Каринскаго	239
— Книжныя новости	251

О Т Д ъ Л Ъ П О Н А Р О Д Н О М У О Б Р А З О В А Н І Ю .

В. Д. Мутьевъ. Пенсіонная касса народныхъ учителей и учи- тельницъ	1
А. Е. Алекторовъ. Очерки изъ развитія инородческаго образо- ванія въ Россіи	27

Отъемы о книгахъ: Сигизмундъ Либровичъ.—Неполомницкій Царе-
вичъ.—Проф. Р. Бломманъ. Воздухъ, вода, свѣтъ и тепло.—Н. С.
Лукьяновъ. Физическій кабинетъ среднихъ учебныхъ заведеній.—

См. 3-ю стр. обложки

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Древности русскаго права. Томъ третій. Землевладѣніе. — Тягло. — Порядокъ обложенія. В. Сергѣевича. С.-Петербургъ. 1903.

Новый трудъ проф. В. И. Сергѣевича, составляющій т. III его изысканій въ области нашего стараго права, займетъ безспорно видное мѣсто въ новѣйшей русской историографіи. Этотъ томъ „Древностей“ отличается отъ предшествующихъ нѣкоторыми особенностями. Прежде всего затронуты въ немъ темы никогда ранѣе не являлись предметомъ специальныхъ изслѣдованій автора. Виѣшняя особенность, бросающаяся въ глаза, сводится къ тому, что новый томъ появился подъ новымъ заглавіемъ. Между „Древностями русскаго права“ и „Русскими юридическими древностями“, конечно, нѣтъ разницы по существу, но съ точки зрѣнія библиографической не тождественное заглавіе томовъ представляетъ нѣкоторое неудобство.

Томъ этотъ составился изъ статей, напечатанныхъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* съ сентября 1900 года по декабрь 1902-го подъ общимъ заглавіемъ „Древности русскаго землевладѣнія“. Нельзя признать, что такое заглавіе было выбрано удачно. Автору пришлось говорить въ этихъ статьяхъ о податяхъ и повинностяхъ, объ окладныхъ единицахъ, о группахъ населенія. Въ отдѣльномъ изданіи заглавіе измѣнено: вслѣдъ за общимъ заголовкомъ стоитъ подзаглавіе „Землевладѣніе. Тягло. Порядокъ обложенія“. Хотя это перечисленіе затронутыхъ темъ и точнѣе передаетъ содержаніе книги, но все же не вполне соответствуетъ ему. Темы о землевладѣніи авторъ не исчерпываетъ и предполагаетъ къ ней еще вернуться: „мы говоримъ теперь только (?) о землевладѣніи и при томъ

«землевладѣнія вообще, о землевладѣніи же служиломъ рѣчь будетъ далеко впереди» (470). Но въ главахъ о землевладѣніи вообще пришлось, конечно, говорить о землевладѣльцахъ и земледѣльцахъ и притомъ о нѣкоторыхъ ихъ группахъ впервые: о своеземцахъ, складникахъ, сябрахъ, поземщикахъ и бобыляхъ, захребетникахъ и подворникахъ. По системѣ, принятой авторомъ „Русскихъ древностей“, эти вопросы должны бы найти мѣсто въ первомъ томѣ, гдѣ разсматривается составъ населенія. Но не смотря на то, что этотъ томъ вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1902 г., когда уже указанныя темы были авторомъ разработаны, онѣ туда не включены. Все это не представляетъ существенной важности и могло бы въ значительной мѣрѣ быть устранено, если ко всѣмъ томамъ „Древностей“ будетъ присоединенъ общій указатель ¹⁾).

Любопытиѣ отмѣтить, почему произошло такое странное нарушение системы изложенія. Повидимому это всецѣло зависѣло отъ того, что автору только теперь, при изученіи хозяйственного быта, пришлось впервые подвергнуть изслѣдованію новую категорію источниковъ, которыхъ ему раньше не приходилось касаться, именно писцовыя книги. Новый матеріалъ далъ автору возможность не только пополнить отдѣлы уже разработанные раиѣе, но и исправить по существу нѣкоторые изъ своихъ прежнихъ выводовъ.

Таково прежде всего мнѣніе о происхожденіи крестьянскаго волостного землевладѣнія. Защищаемая раньше точка зрѣнія, „что собственникомъ черныхъ земель была волость“, и „что отдѣльные крестьяне приобрѣтали волостныя земли въ собственность“, при чемъ эта собственность распредѣлялась такъ, что крестьяне, „сдѣлавшись членами волости, освоили тѣ участки земли, къ которымъ примѣняли свой трудъ“, „въ собственности же волости оставалось только то, что не было освоено отдѣльными ея членами и чѣмъ они пользовались безъ раздѣла“ (Юр. Др. т. 1, изд. 1, стр. 214, 216)—эта точка зрѣнія теперь признана ошибочной (Ж. М. II. Пр. 1900, № 9, стр. 82—83). Авторъ возвращается къ мнѣнію Б. Н. Чичерина, который считаетъ собственникомъ волостной земли московскаго государя. Но это мнѣніе существенно дополняется указаніемъ на происхождение крестьянскихъ волостныхъ земель. По новому мнѣнію проф. Сергѣевича, этотъ видъ землевладѣнія вовсе неизвѣстенъ до-московской Руси и возникаетъ

¹⁾ Авторъ и самъ призналъ потребности въ указателѣ и присоединилъ таковой къ новому изданію „Лекцій и изслѣдованій“ 1903 г.

впервые въ московскихъ владѣніяхъ на почвѣ конфискованныхъ въ пользу великаго князя земель частныхъ владѣльцевъ.

Новгородскія писцовыя книги даютъ документальныя данныя для выясненія этого вопроса. Въ нихъ ни разу не упомянуто о землевладѣніи крестьянскихъ общинъ до конфискаціи Иваномъ Васильевичемъ земель у крупныхъ и мелкихъ новгородскихъ собственниковъ. Раньше тамъ были только своеземцы (земцы), т. е. частные собственники. У многихъ изъ нихъ земли были взяты на государя, а сами они переселены въ низовскіе уѣзды (старо- и новосведенные бояре и бояришки). Конфискованныя земли частію раздавались въ помѣстье служилымъ людямъ, частію отдавались въ оброкъ крестьянамъ, которые и прежде жили на этихъ земляхъ въ качествѣ арендаторовъ у прежнихъ своихъ хозяевъ.

„Конфискація земель частныхъ владѣльцевъ произвела громадную перемѣну въ положеніи крестьянъ, переведенныхъ на оброкъ и записанныхъ за великимъ княземъ. Крестьяне эти стали называться крестьянами царя и великаго князя, а земли и воды, отписанныя на великаго князя, стали предоставляться въ ихъ непосредственное пользование и владѣніе и облагаться оброкомъ въ государеву казну взаменъ прежнихъ повинностей въ пользу землевладѣльца. Такъ возникъ тотъ своеобразный видъ поземельныхъ отношеній, о которомъ крестьяне въ памятникахъ конца XV и XVI вѣка говорили: «то земли царя и великаго князя, а нашего владѣнія». Тѣ же земли назывались еще: волостными, тяглыми, черными“ (32).

Этому новому виду землевладѣнія дается слѣдующая характеристика: „Въ XV, XVI и даже XVII вѣкѣ никому и въ голову не приходило опредѣлять права крестьянъ на государевы земли. Всѣмъ было ясно, что они не своеземцы, не собственники. Что же касается правительства, то оно опредѣляло только повинности крестьянъ съ этихъ земель. Крестьяне состояли на казенномъ оброкѣ до тѣхъ поръ, пока правительство не находило нужнымъ назначить земли, на которой они сидѣли, кому-либо въ помѣстье, или отдать монастырю и пр... Хотя крестьяне получали въ свое владѣніе боярскія земли по доброй волѣ великаго князя, а не въ силу своей просьбы, тѣмъ не менѣе владѣніе ихъ можетъ быть названо прекарнымъ, такъ какъ имѣеть всѣ его свойства“ (33). Признакъ прекарности крестьянскаго чернаго землевладѣнія указанъ авторомъ только въ отдѣльномъ изданіи его статей: раньше о немъ рѣчи не было. Соответственно этому признаку было бы осторожнѣе иначе формулировать и слѣдую-

щій выводъ: „Въ Московскомъ государствѣ была произведена социальная реформа великой важности, едва ли достаточно отмѣченная нашей исторіей: поземельная собственность изъ рукъ бояръ и бояришекъ перешла въ руки рабочаго населенія“ (37) ¹⁾.

Не было опредѣлено, какъ это владѣніе распредѣляется между волостью (общиной) и отдѣльными ея членами (крестьянами). „По писцовымъ книгамъ отдѣльные участки показаны за отдѣльными крестьянами; они, надо полагать, и суть владѣльцы этихъ участковъ, а не община. Но въ это же время впервые появляются и нѣкоторыя условія, при наличности которыхъ можетъ зародиться мысль о правахъ цѣлой общины на земли и воды царя и великаго князя. Пренія повинности землевладѣльца переводятся на оброкъ въ государеву казну, но этотъ оброкъ опредѣляется не на каждую деревню или дворъ, какъ опредѣлялся доходъ господина, а огульно на все имѣніе. Раскладка новаго оброка между отдѣльными членами становится дѣломъ всѣхъ крестьянъ, т. е. общины, а вмѣстѣ съ этимъ должна зародиться и мысль, что и земля—общинная“ (33).

Новая точка зрѣнія на вопросъ о происхожденіи волостныхъ общинъ безспорно чрезвычайно интересна. Если бы она и встрѣтила какія-либо серьезныя возраженія, все же за нею нельзя не признать той важной заслуги, что благодаря ей не только получаетъ точку опоры мнѣніе о правахъ государя на черныя земли, но дается и новая постановка вопросу о времени и условіяхъ возникновенія поземельной общины. Она возникаетъ на глазахъ исторіи и въ Новгородѣ нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ Москвѣ. „Въ новгородскихъ пятинахъ первыя основы землевладѣнія крестьянскихъ общинъ заложены въ концѣ XV вѣка, а въ другихъ владѣніяхъ московскихъ князей и того ранѣе. Точно опредѣлить это время нельзя. Можно утверждать, что возникновеніе землевладѣнія крестьянскихъ общинъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ территоріи Московскаго государства и частной земельной собственности московскихъ князей. Какъ бы ни возникала эта частная собственность, путемъ купель или конфискаціи, если только она не отдавалась служилымъ людямъ, она представлялась въ оброчное пользованіе крестьянъ и на ней возникало землевладѣніе крестьянскихъ общинъ, о которомъ крестьяне выража-

¹⁾ Авторъ, правда, въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что „городское прекарное владѣніе—та же собственность“ (231); но противъ такого отождествленія „прекарія“ и „собственности“ будутъ, пожалуй, возражать юристы.

лись такъ: земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія. Первые такіе опыты могли возникнуть уже въ концѣ XIV вѣка¹⁾ (423).

Что же это за общины? Онѣ возникли изъ отдѣльныхъ прежнихъ имѣній или соединенія нѣсколькихъ въ одну волость, при чемъ на каждую назначается огульно оброкъ за старый доходъ и также огульно оброкъ за угодья, принадлежащія старымъ владѣльцамъ и послѣ конфискаціи приписанныя къ волостямъ. Оброкъ или оброки крестьяне должны были разметывать межъ себя по пашнѣ и по угодьямъ (122—124). Итакъ, разметъ и сборъ оброковъ составляютъ основное общее дѣло новыхъ волостей—общинъ, изъ котораго естественно вытекаетъ и рядъ другихъ. Но это новость. „До введенія этихъ новыхъ порядковъ, говоритъ авторъ, владѣльческія волости, а только такія и были, не имѣли никакихъ общихъ дѣлъ... Деревни же всегда имѣли одно общее дѣло: раскладку обежной дани“ (124 пр., 131). Отсюда надо заключить, что общины—волости въ основѣ имѣютъ чисто фискальный характеръ. По существу эта мысль не нова. Высказанная впервые Б. Н. Чичеринимъ, она не одинъ разъ повторялась и въ „исторической литературѣ конца XIX в.“ Проф. Сергѣевичъ наглядно подтвердилъ ее на примѣрѣ новгородскихъ волостей, и въ этомъ его заслуга.

У читателя, однако, можетъ остаться одно не маловажное недоумѣніе. Если до введенія новыхъ порядковъ въ старыхъ владѣльческихъ деревняхъ не было никакихъ общихъ дѣлъ, за исключеніемъ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ найма пустыхъ деревень, какъ свидѣтельствуется авторъ, то какъ надлежитъ понять слѣдующее его утвержденіе:

„За указаннымъ исключеніемъ, мы отрицаемъ какія-либо общія дѣла волостныхъ крестьянъ по землевладѣнію, а не по управленію вообще. Въ области управленія крестьяне, можетъ быть, имѣли какія-нибудь общія дѣла. Они могли участвовать на судѣ, избирать какихъ-либо цѣловальниковъ, *раскладывать повинности* и т. д.“ (124 пр.). Если крестьяне владѣльческихъ волостей раскладывали повинности, то какъ съ этимъ примирить указаніе, что раскладка обежной дани составляла общее дѣло только одной деревни? При раскладкѣ же повинностей, въ зависимости отъ способа раскладки, мо-

¹⁾ „Первые зародыши общинъ крестьянскихъ въ волостяхъ великаго князя могутъ восходить даже къ XIV вѣку“ (125—126).

гли возникнуть общія дѣла волости и въ дѣлахъ поземельныхъ. Угадать точку зрѣнія автора я не берусь.

Но если крестьянское волостное землевладѣніе столь поздняго происхожденія, то любопытно установить, что же было раньше? Кто былъ субъектомъ правъ на землю? На основаніи новгородскихъ писцовыхъ книгъ проф. Сергѣевичъ даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: „Типъ первоначальнаго новгородскаго владѣльца представляетъ своеземецъ, т.-е. частный собственникъ. Таковы бояре, начиная съ большихъ и оканчивая мелкими бояришками, таковы купцы, посадскіе люди, крестьяне, владыка, попы, монахи, монастыри и церкви“ (12). Но если таковъ дѣйствительно первоначальный смыслъ термина „своеземецъ“ или „земецъ“, то позднѣе наряду съ нимъ возникаютъ особые термины для обозначенія отдѣльныхъ классовъ землевладѣльцевъ. Крупные землевладѣльцы стали преимущественно называться боярами и бояришками, а ихъ владѣнія боярщинами, какъ монастырскія вотчины монастырщинами. Названіе „земцы“ сохранилось по преимуществу за болѣе мелкими собственниками. Здѣсь по видимому наблюдается то же явленіе, что и съ терминомъ „смердь“, служившимъ для обозначенія всего населенія въ отличіе отъ князя, а потомъ получившимъ болѣе узкое значеніе (Русск. Юрид. Древн., т. I, изд. 2, стр. 178—179). Но значеніе термина „земецъ“, какъ мелкаго землевладѣльца, уже давно отмѣчено въ литературѣ, какъ и дальнѣйшая судьба этого класса новгородскаго населенія: „мелкіе своеземцы вводятся въ разрядъ крестьянъ великаго князя, а болѣе зажиточные въ разрядъ его служилыхъ людей“ (14). Здѣсь проф. Сергѣевичу не пришлось добавить ничего новаго¹⁾.

Кромѣ вышеуказанныхъ субъектовъ правъ на землю, въ Новгородѣ землевладѣльцемъ является и государство. Изъ древнѣйшихъ договоровъ Новгорода съ князьями извѣстно, что тамъ существовали „особые земельные участки, которые можно было предоставлять въ пользованіе постоянно смѣнявшимся тамъ князьямъ“ (20). Изъ древнѣйшихъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ видно, что существовали участки земли, которыми надѣлялись нѣкоторые изъ пригородныхъ новгородскихъ намѣстниковъ (21). Это несомнѣнные примѣры государственной собственности въ древней Руси.

¹⁾ Дикитскій, *Исторія экономическаго быта великаго Новгорода*, 40—41, 191—192; В. О. Ключевскій, *Разборъ изслѣдованія г. Чечулина*, въ 33-мъ Присужденіи награды гр. Уварова, 300—310.

Но существовали ли всѣ эти формы землевладѣнія и въ другихъ русскихъ земляхъ? Если относительно землевладѣнія физическихъ лицъ, монастырей и церквей, а затѣмъ и черныхъ волостей, дѣло представляется совершенно яснымъ, то относительно государственныхъ земель существуютъ сомнѣнія. Проф. Сергѣевичъ, однако, безъ колебанія говоритъ, что „новгородское землевладѣніе было общерусскимъ“, и что „въ Новгородѣ было все, что было въ остальной Руси“ (14, 31). Въ частности относительно государственныхъ земель онъ считаетъ возможнымъ допустить, „что въ періодъ господства вѣчевыхъ порядковъ и въ другихъ княженіяхъ, гдѣ происходила частая смѣна князей, могли быть недвижимости, предоставляемыя въ ихъ временное пользованіе и принадлежавшія не князю, а княженію. Тамъ же, гдѣ утверждалась одна линія князей и столъ переходилъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени отъ отца къ сыну, такія отведенныя князю земли легко переходили въ наслѣдственное владѣніе княжескаго дома и обращались въ его частную собственность. Такая именно случайность выпала на долю Москвы. Со смерти Ивана Даниловича на московскомъ престолѣ утверждается линія его нисходящихъ. Были или нѣтъ въ Московскомъ княженіи какія-либо недвижимости, предназначенныя для обезпеченія потребностей князя, мы не знаемъ; но если и были, онѣ должны были слиться съ недвижимостями царствующаго дома. Вотъ почему ни въ Московскомъ удѣлѣ, ни въ великомъ княженіи Владимірскомъ, въ которомъ утверждается та же московская линія князей, ни въ Московскомъ государствѣ мы не находимъ ни малѣйшихъ указаній на наличность государственныхъ имуществъ, которыя отличались бы отъ имуществъ князя. Въ Москвѣ есть только земельныя имущества великаго князя, а не государственныя“ (22—23).

И одинъ примѣръ Москвы могъ бы предостеречь проф. Сергѣевича отъ обобщенія новгородскихъ порядковъ для всей древней Руси. Онъ не привелъ и не могъ привести никакихъ подтвержденій въ пользу догадки, что государственный земли существовали въ другихъ княженіяхъ. Наоборотъ, относительно послѣднихъ извѣстно нѣсколько примѣровъ, когда князя покупаютъ у частныхъ лицъ села и жертвуютъ ихъ церквамъ и монастырямъ или передаютъ по завѣщанію. Въ Новгородѣ же князьямъ было запрещено пріобрѣтать недвижимую собственность. И въ Москвѣ отсутствіе государственныхъ имуществъ надо объяснять не какою-то династическою случайностью, какъ думаетъ проф. Сергѣевичъ, а болѣе глубокими причинами: кореннымъ

еще безразличіемъ сферъ публичнаго и частнаго права въ нашей, да и во всякой другой, древней исторіи учреждений.

Вслѣдъ за указаніями самого автора о полномъ безразличіи „государственныхъ и частныхъ владѣній государя“ въ теченіе всего московскаго періода читатель съ нѣкоторымъ удивленіемъ прочтетъ его возраженія по поводу мнѣнія о вотчинномъ періодѣ русской исторіи (24—25; ср. 247). Прежде всего невѣрно указаніе, что это мнѣніе возникло только на почвѣ указаннаго безразличія владѣній частныхъ государевыхъ и государственныхъ. Тоже безразличіе и въ теченіе того же времени наблюдается и въ сферѣ домашняго государева хозяйства и финансоваго государственнаго управленія. Самое понятіе „казны“ возникло въ сферѣ домашняго княжескаго хозяйства, а „государева казна“ включала безразлично государственное казначейство и личныя средства представителя власти. Это безразличіе не исчезло вполне и въ наши дни. Естественно думать, что въ XIV и XV вѣкахъ оно шло еще глубже. Можно спорить только о степени этого безразличія. Во всякомъ случаѣ сторонникамъ мнѣнія о вотчинномъ періодѣ вѣроятно хорошо извѣстны возраженія покойнаго Градовскаго Б. Н. Чичерину о томъ, что уже первые московскіе князья умѣли различать частную собственность отъ предметовъ государственнаго управленія ¹⁾. Имъ также вѣроятно не безызвѣстно мнѣніе самого проф. Сергѣевича, что Иванъ Калита первый внесъ взглядъ на государственную территорию, какъ на частную собственность, со всѣми его противогосударственными послѣдствіями; что у преемниковъ Калиты исчезла всякая государственная идея ²⁾. Вѣдь эти мнѣнія остаются въ силѣ? А если такъ, то и споръ съ сторонниками вотчиннаго періода долженъ получить другую постановку. Не то важно, можно ли и нужно ли выдѣлять особый вотчинный періодъ въ изложеніи нашей исторіи; важно то, какъ глубоко былъ проникнуть въ разныя эпохи нашъ государственный строй и быть чертами быта вотчиннаго или частноправоваго. А что онъ былъ этими чертами проникнуть, этого не можетъ отрицать и проф. Сергѣевичъ.

Слѣдующій очеркъ въ отдѣлѣ о землевладѣніи посвященъ вопросамъ о деревнѣ, селѣ и погостѣ. Главное вниманіе автора сосредото-

¹⁾ Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. II, 129 и слѣд.

²⁾ „Какъ и изъ чего возникла территорія Московскаго государства“?, Новь, 1886 г., т. VIII, № 6, стр. 189 и 193; Русск. Юрид. Древн., т. I, изд. 1, стр. 52 и 61; изд. 2, стр. 55 и 64.

точено на стрѣхъ древней деревни, ся размѣрахъ и населеніи. Типичною ея формой онъ признаеть деревню—дворъ. Такой характеръ нашей старой деревни, представляющей „законченную, довлѣющую самое себя единицу“, впервые выясненъ въ изслѣдованіи А. Я. Ефименки—„Крестыанское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“. Проф. Сергѣевичъ вполне присоединяется къ этому выводу, хотя въ подробностяхъ значительно уклоняется отъ наблюденій своей предшественницы. Такъ онъ отрицаетъ, „чтобы нашъ древній крестыанскій бытъ имѣлъ много общаго съ задружнымъ бытомъ южныхъ славянъ“ (56—57), хотя и допускаеть, что „въ большинствѣ случаевъ одnodеревенцы были, конечно, родственники“. Но этимъ и исчерпывается сходство съ задругой. „При правѣ раздѣла южные славяне предпочитали, однако, не дѣлиться, а жить большими семьями, что и повело къ образованію задружнаго быта. У насъ наблюдаемъ обратное явленіе, преобладающую наклонность къ дѣлежу и жизни своимъ дворомъ“ (56—57). Это замѣчаніе надо принять, равно какъ и другое, что землепользованіе въ нашихъ старыхъ деревняхъ не заключало никакихъ признаковъ или даже зачатковъ общиннаго землевладѣнія. „Одnodеревенцы могли вستی раздѣльное и общее хозяйство, но ни въ какомъ случаѣ не общинное, ибо не было общины. Общинное и общее не одно и то же. Въ общинѣ каждый членъ имѣеть равное право на пользование землей; при общемъ—не непременно равное“. (119; ср. 362 и слѣд.). Однако, проф. Сергѣевичу не первому, послѣ появленія труда А. Я. Ефименки, пришлось отмѣтить неправильность сближенія нашего семейнаго быта съ задружнымъ и порядковъ землепользованія на крайнемъ сѣверѣ съ современными общинными. Первое сдѣлано М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, второе—И. Е. Энгельманомъ ¹⁾.

Но отнюдь не всѣ возраженія проф. Сергѣевича по поводу наблюденій и опредѣленій г-жи Ефименки могутъ быть приняты. Такъ, напр., его мнѣніе о складникахъ. Онъ утверждаетъ, что „складники не пріятели, не товарищи общаго предпріятія, а одnodеревенцы, земли которыхъ могутъ находиться въ ихъ общемъ владѣніи, а могутъ быть и раздѣлены. Называются они складниками потому, что складываются въ одну обжу, соху, тятло, такъ какъ они одnodеревенцы. Они одnodеревенцы, а потому и складники, а не наобо-

¹⁾ М. Владимірскій-Будановъ, Задружная теорія и древне-русское землевладѣніе. Унив. Изв. 1885; И. Энгельманъ, О происхожденіи нынѣ существующаго общиннаго владѣнія въ Великороссіи, въ Трудахъ VI-го археол. съѣзда въ Одессѣ, т. IV, 1889.

ротъ“ (63). Другое мнѣніе высказала г-жа Ефименко: это люди, образовавшие складочный капиталъ, на который и устроили какое-либо общее предпріятіе. Проф. Сергѣевичъ, такъ именно формулировавшій это мнѣніе, думаетъ опровергнуть его документально. Онъ приводитъ изъ описи Вотской пятины выраженіе „складникъ“ и говорить: „Складникъ, о которомъ идетъ рѣчь, живетъ въ одномъ дворѣ съ другимъ крестьяниномъ на конфискованной у новгородскаго боярина землѣ. Это арендаторъ чужой земли. Для найма же чужой земли не требуется никакого капитала, нужны только руки. Хозяинъ земли можетъ дать и сѣмена, и лошадь, и даже денежную помощь, и нерѣдко дѣйствительно даетъ и то, и другое, и третье. Итакъ, относительно этого складника не можетъ быть никакой рѣчи о складствѣ капитала на общее предпріятіе“ (59). Но такъ ли это? Арендаторъ чужой земли и при самомъ незатѣйливомъ хозяйствѣ не можетъ приняться за него, если у него нѣтъ ни топора, ни сохи, ни лошади, ни сѣмянъ, ни хлѣба на прокормъ до перваго урожая. А если всего этого, собственнаго или занятаго на сторонѣ подъ тѣми или другими условіями, нѣтъ, то не можетъ быть никакого хозяйства. Если же въ арендѣ участвуютъ двое, то они, конечно, участники общаго предпріятія, на какія бы средства оно ни велось: собственныя ихъ или занятыя. На той же и на предшествующей страницахъ разсматриваемой книги указано, что такіе соучастники назывались товарищами и пріятелями. Они же называются и складниками.

Было бы излишне подробнѣе останавливаться на этомъ вопросѣ послѣ статьи о складникахъ М. В. Клочкова (*Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1901, № 11). Тамъ собрано достаточное число документальныхъ данныхъ о складствѣ для общихъ предпріятій на основаніи особыхъ „складныхъ записей“ и „складныхъ грамотъ“, при чемъ складочный капиталъ назывался „складнымъ животомъ“. Тамъ же правильно указано, что складниками назывались и лица, соединяющія въ общемъ предпріятіи свой трудъ и пользующіяся совмѣстно результатами своихъ трудовъ.

Но вотъ на чемъ остановиться поучительно. Проф. Сергѣевичъ, говоря о складникахъ, въ подстрочномъ примѣчаніи приводитъ одно мѣсто изъ труда г-жи Ефименки, которая „говоритъ, что у ней „есть одинъ любопытный документъ начала XVII вѣка (1602 г.), изъ котораго видно, что складство проникло даже въ семейный союзъ, порождая интересныи образчикъ договорной, искусственной семьи.

Одинъ крестьянинъ продаетъ другому половину своей деревни. При продажѣ онъ заключаетъ договоръ складства на 10 лѣтъ, чтобы въ теченіе этихъ 10 лѣтъ имъ составлять одну семью: пить и ѣсть вмѣстѣ, и платье и обувь держать изъ волчяго живота, и та намъ своя деревня пахать, сѣять и орать вмѣстѣ же за едино, и въ промысла ходить и посылать изъ волчяго живота". По поводу приведеннаго мѣста проф. Сергѣевичъ замѣчаетъ: „Документъ, дѣйствительно, любопытный, но очень жаль, что онъ не приведенъ цѣликомъ. То, что приведено, представляетъ собою договоръ общаго хозяйства. Весьма вѣроятно, что всѣ крестьяне, жившіе въ одномъ дворѣ, имѣли общее хозяйство. Но это еще не значитъ, что они составляли одну семью: жена и дѣти, надо думать, у каждого были свои. Что они образуютъ одну семью, этого въ документѣ не сказано, это домысль г-жи Ефименко. Семья—это союзъ мужа и жены, родителей и дѣтей, а не то, что пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ и на охоту ходятъ вмѣстѣ. У автора, кажется, на этотъ счетъ есть нѣкоторыя недоразумѣнія. Также ничего не говорится въ документѣ о складствѣ, это опять домысль автора. Документъ, въ томъ видѣ, какъ онъ приведенъ, къ складству вовсе не относится“ (63 и слѣд.). Для всякаго безпристрастнаго наблюдателя совершенно очевидно, что приведенный отрывокъ представляетъ собою выдержку изъ складной записи или грамоты, хотя, можетъ быть, подлинникъ и не носить такого названія. Можетъ быть, и участники этого договора не названы въ немъ складчиками. Но развѣ это мѣняетъ дѣло? Да и можно ли такъ строго относиться къ терминологіи нашихъ древнихъ памятниковъ, если и въ настоящее время сплошь и рядомъ, даже въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, можно встрѣтиться съ неточными опредѣленіями и выраженіями? Самъ проф. Сергѣевичъ упрекаетъ въ этомъ г-жу Ефименку, какъ видно изъ приведенной цитаты. Но правъ ли онъ? Развѣ не видно изъ приведенной цитаты, что терминъ „семья“ употребленъ въ ней въ переносномъ значеніи, почему и прибавленъ къ термину „семья“ эпитетъ „искусственная“? Извѣстно, что проф. Сергѣевичъ отличается особымъ даромъ яснаго и точнаго изложенія. Но развѣ и у него нельзя встрѣтить уклоненій отъ строгой терминологіи? Въ примѣрахъ недостатка не будетъ. Для иллюстраціи можно ограничиться терминомъ „семья“, точное значеніе котораго дастъ онъ самъ въ только что приведенной выдержкѣ. Согласно этому опредѣленію южно-славянскую задругу нельзя назвать большой семьей, такъ какъ задруга объемлетъ многія семьи. Но проф. Сергѣевичъ на стр. 57 говоритъ, что „за-

друга представляет большую семью“, и что „южные славяне предпочитали не дѣлиться, а жить большими семьями“. У него же на стр. 65 и сл. читаемъ: „Сыновья еще при жизни отцовъ выдѣлялись изъ семьи и устраивали свое самостоятельное хозяйство въ особыхъ дворахъ. Зятья тоже нерѣдко живутъ въ особыхъ дворахъ. Такимъ образомъ, натуральная семья легко распадалась, такъ были мы далеки отъ сложныхъ семей южныхъ славянъ“. Здѣсь задруга названа уже не большою, а сложною семьей; ей противопоставляется „натуральная семья“. Чѣмъ же натуральная семья отличается отъ семьи безъ всякаго эпитета, отъ семьи вообще? Если натуральная семья и семья представляютъ одно и то же, то къ чему тогда прибавка „натуральная“?

Для читателей разсматриваемой книги совершенно ясно, о чемъ идетъ рѣчь въ приведенныхъ мѣстахъ, и ни у одного изъ нихъ, конечно, не возникнетъ сомнѣнiя на счетъ того, что у автора книги есть нѣкоторыя недоразумѣнiя относительно значенiя термина „семья“. Но навѣрное ни у одного изъ читателей изслѣдованiя о „Крестьянскомъ землевладѣнiи на крайнемъ сѣверѣ“, вслѣдствiе метафорическаго уподобленiя складническаго договора объ общемъ хозяйствѣ искусственной семьи, не возникло представленiя, что одинъ складникъ женится на другомъ или выходитъ за него замужъ. Едва ли не напрасно и проф. Сергѣевичъ ищетъ недоразумѣнiй тамъ, гдѣ дѣло гораздо проще объясняется неловкимъ или неточнымъ оборотомъ рѣчи, отъ чего и онъ самъ отнюдь не застрахованъ.

За указанными различiями описанiе старой деревни у проф. Сергѣевича близко напоминаетъ картины, нарисованныя г-жею Ефименко. „Первоначальная деревня есть ничто иное, какъ отдѣльный пашенный дворъ съ хозяйственными постройками и принадлежащей ему землей“. Она получала названiе отъ мѣстныхъ географическихъ названiй или урочищъ, или же отъ имени ея устроителя. Въ хозяйственномъ отношенiи это совершенно обособленная единица. Но такая первоначальная деревня можетъ распасться на части и всего чаще распадается по случаю смерти хозяина. У наслѣдниковъ получались лишь части въ деревнѣ и въ дворѣ, называемыя долями или жеребьями. Чѣмъ больше такихъ наслѣдниковъ, тѣмъ меньше эти доли, и наоборотъ. Эти доли могутъ сохранить идеальное значенiе, если наслѣдники всѣ продолжаютъ жить сообща въ отцовскомъ дворѣ и вести общее хозяйство. Но чаще они раздѣляются и заводятъ каждый для собственнаго жилья особую избу или особый дворъ. Такъ возни-

каютъ деревни съ двумя и болѣе дворами, представляющія уже вторичное явленіе. Получившіяся отъ распадаенія деревни доли наследуются, продаются, дарятся, какъ и цѣлые дворы. „Съ возникновеніемъ въ деревнѣ отдѣльныхъ дворовъ, надо предполагать и возможность возникновенія отдѣльныхъ хозяйствъ... Но это не исключаетъ возможности допустить и въ такой раздѣленной деревнѣ наличие общихъ луговъ, лѣсовъ и другихъ угодій, которыми отдѣльные дворы могли пользоваться сообща“ (45 — 52). Все это было хорошо извѣстно читателямъ, знакомымъ съ трудомъ г-жи Ефименки.

Далѣе проф. Сергѣевичъ предпринимаетъ очень интересную попытку опредѣлить размѣры деревень по новгородскимъ писцовымъ книгамъ. Онъ предупреждаетъ, что „перевести эти размѣры на единицы намъ понятной мѣры чрезвычайно трудно, а сдѣлать это точно и едва ли возможно“. Но пока нѣтъ въ распоряженіи изслѣдователей болѣе точныхъ способовъ опредѣленія размѣровъ древнихъ запашекъ, попытка проф. Сергѣевича заслуживаетъ полнаго вниманія. Онъ исходитъ изъ предположенія, „что крестьяне и въ старину сѣяли также, какъ они дѣлаютъ это теперь“. Хотя эта догадка, столь неслестная для нашей современной культуры, и можетъ показаться странною, но она находитъ фактическое подтвержденіе при сравненіи посѣвовъ въ уѣздахъ Бѣлгородскомъ, Елецкомъ, Ливенскомъ и Оскольскомъ въ началѣ XVII вѣка и въ настоящее время. Принимая четверть высѣвной ржи того времени въ 6 пудовъ, проф. Сергѣевичъ по таблицамъ Н. Н. Миклашевскаго опредѣляетъ, что тогда высѣвъ ржи на десятину колебался отъ 6 до 12 пудовъ, а въ настоящее время тамъ высѣваютъ 8—12 пудовъ на десятину. Въ Новгородской губерніи нынѣ высѣваютъ 8 — 10 пудовъ на десятину, а въ Петербургской 9 — 12. Если принять новгородскую коробью конца XV и начала XVI вѣковъ равною московской четверти ¹⁾ начала XVII вѣка, то окажется, что деревня въ одинъ дворъ при высѣвѣ отъ 1 до 12 коробей, а въ среднемъ отъ 4 до 8 коробей, располагала пашеннымъ участкомъ весьма разной величины. При высѣвѣ 4-хъ коробей въ Новгородской губерніи этотъ участокъ будетъ равняться отъ $2\frac{2}{3}$ десятины до 3 десятины въ одномъ полѣ, а въ трехъ поляхъ отъ $7\frac{1}{3}$ до 9 десятины. „Если прибавить на дворъ, огородъ, выгонъ и

¹⁾ Приравненіе коробьи одной московской четверти начала XVII вѣка едва ли правильно. Самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (266 пр.) приравнялъ коробью двумъ четвертямъ.

луга отъ 5 до 10 десятинъ, то получимъ небольшой средней участокъ мѣрою отъ 12 до 19 десятинъ. Для Петербургской губерніи, при большемъ высѣвѣ, получится немного менѣе“. Къ этому расчету авторъ прибавляетъ, что если принять для коробки вѣсъ въ 7 пудовъ, что то же допускаютъ нѣкоторые изслѣдователи старыхъ мѣръ, то участокъ получился бы для обѣихъ губерній на $\frac{1}{7}$ больше (53—54). Очень жаль, что весь расчетъ въ данномъ случаѣ сдѣланъ не по послѣдней нормѣ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ книги (90, 197) переводъ сдѣланъ по размѣру коробки въ 7 пудовъ.

Такое же разнообразіе въ размѣрѣ нашенныхъ участковъ наблюдается и въ деревняхъ съ 2 и болѣе дворами. „Есть деревни въ 2 двора, которыя довольствуются посѣвомъ (въ $2\frac{1}{2}$) коробки, и въ 4 двора съ посѣвомъ въ 3 коробки; а съ другой стороны деревни въ 4 и даже въ 3 двора высѣваютъ по 16 и по 20 коробей. Не число дворовъ опредѣляетъ размѣры деревенскаго хозяйства, а лучшая приспособленность къ хозяйству населенія этихъ дворовъ. Этотъ выводъ подтверждаетъ прежде сказанное о деревнѣ и дворѣ. Если съ большимъ числомъ дворовъ не соединяются непременно и болѣе крупныя размѣры хозяйства, то потому, конечно, что новые дворы нарастаютъ не извнѣ, а появляются изъ нутра старой деревни, въ результатѣ дѣленія первоначальнаго хозяйства на части по числу наследниковъ“ (53—55).

Село или сельцо—та же деревня съ тѣмъ, однако, существеннымъ отличіемъ отъ послѣдней, что въ селѣ обыкновенно жилъ самъ владѣлецъ или его представитель. „Этимъ объясняется, почему для насъ понятіе села сливается съ представленіемъ о церкви. Теперь нѣтъ села безъ церкви, а въ старину не было села безъ владѣльца, но владѣльцы тамъ и строили церкви, гдѣ сами жили. Этимъ же объясняется и выраженіе тѣхъ же писцовыхъ книгъ: „деревни къ селу“. Деревни тянутъ къ селу въ смыслѣ управленія: онѣ управляются владѣльцемъ изъ села и въ село приносятъ владѣльцу доходъ“ (78).

Мнѣніе проф. Сергѣевича о погостѣ можетъ вызвать у читателя нѣкоторыя недоумѣнія. Авторъ принимаетъ мнѣніе Неволіна, что погосты были правительственными округами, но сейчасъ же прибавляетъ оговорку, что это округа не судебныя, „ибо судомъ погосты (не правильнѣе ли села и деревни?) тянутъ къ городамъ“. „На долю погостовъ остаются однѣ повинности“. До сихъ поръ все ясно. Погосты, значитъ, финансовыя округа. Но далѣе начинается неясное. „Итакъ, всѣ села и деревни погоста составляютъ мелкую податную

единицу“. Что это за мелкая податная единица? Съ какой крупной единицей она должна быть сопоставлена? И единица чего? Отвѣта на это въ книгѣ нѣтъ. И далѣе: „Для этого (?) должны быть на мѣстѣ какія-либо учрежденія. Въ этомъ предположеніи Неволинъ и говоритъ, что погость, кромѣ округа, означаетъ еще и главное мѣсто такого округа“. Авторъ весьма дипломатично замѣчаетъ, что „это совершенно естественное предположеніе нашими источниками изображается въ его дѣйствительныхъ размѣрахъ. Древнѣйшія писцовыя книги не содержатъ никакихъ указаній на какіе-либо правительственные центры въ погостахъ; мы не замѣтили ни одной погостской избы и никто не указываетъ такихъ избъ. Надо думать, что погостская финансовая администрація была сведена до своего минимума; это была самая примитивная деревенская организація“. На основаніи того, что одинъ своеземецъ названъ старостой, авторъ думаетъ, что это и есть погостскій финансовый органъ. „И дѣла, по всей вѣроятности, у старостъ было не очень много. Число обержъ опредѣляли писцы, а не мѣстные органы. У мѣстныхъ органовъ оставался одинъ сборъ съ раскладкой, а и въ этомъ имъ могли помогать землевладѣльцы и сами крестьяне“ (79—81). Какое представленіе составить себѣ читатель о финансовой организаціи и администраціи въ погостахъ по этимъ неяснымъ намекамъ, совершенно не подтвержденнымъ документально? Единственно, что удалось автору установить по писцовымъ книгамъ, это указать, что погость — мѣсто представляя собою пунктъ поселенія, гдѣ находилась погостская церковь, что, однако, наблюдается далеко не во всѣхъ погостахъ.

Третій очеркъ въ отдѣлѣ о землевладѣніи посвященъ вопросу о хозяйственномъ пользованіи землями. Здѣсь прежде всего собраны указанія о размѣрахъ владѣній новгородскихъ собственниковъ мелкихъ и крупныхъ. Способы исчисленія приняты тѣ же, какъ и при опредѣленіи размѣровъ деревенской запашки, но коробья и четверть взяты вѣсомъ въ 7 пудовъ ржи. Минимальными оказываются владѣнія своеземцевъ въ одну деревню съ однимъ дворомъ и съ посѣвомъ ржи въ 2 коробья, что составляетъ запашку въ 1—2 десятины въ полѣ. Самымъ богатымъ владѣльцемъ былъ Иванъ Овиновъ, у котораго въ двухъ пятинахъ насчитывается отъ 507 до 676 десятинъ въ одномъ полѣ. „Приведенное количество пахатной земли надо утроить и прибавить къ итогу еще нѣкоторое количество земли на луга, лѣса, выгоны, огороды, и все же мы будемъ далеки отъ дѣйствительныхъ максимальныхъ размѣровъ владѣній новгородскихъ бояръ, ибо они могли

имѣть еще столько же въ другихъ пятинахъ, опись которыхъ до насъ не дошла“. Разнообразіе размѣровъ владѣній огромное.

Но при всемъ этомъ разнообразіи во всѣхъ владѣніяхъ хозяйство велось по одному образцу, за исключеніемъ самыхъ мелкихъ, владѣльцы которыхъ обрабатывали землю трудомъ собственныхъ рукъ. Въ остальныхъ большая часть земель сдавалась въ аренду крестьянамъ, собственное же хозяйство велось обыкновенно лишь въ той деревнѣ, гдѣ жилъ самъ хозяинъ и „пахалъ на себя своими людьми“, т. е., трудомъ своихъ холоповъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ упоминается на господской запащѣ крестьянская барщина. „Богатые отъ болѣе бѣдныхъ различаются только тѣмъ, что имѣютъ деревни съ своимъ хозяйствомъ въ разныхъ мѣстахъ, но они очень рѣдко выходятъ изъ типа однодеревенскаго или двороваго хозяйства“. Водворенные въ новгородскихъ владѣніяхъ московскіе помѣщики въ большинствѣ случаевъ сохранили старый типъ хозяйства съ мелкими лишь въ немъ видоизмѣненіями (88—101).

Главнымъ способомъ извлеченія доходовъ изъ своихъ имѣній у новгородскихъ землевладѣльцевъ была крестьянская аренда. Крестьянамъ, каждому въ отдѣльности или двоимъ-троимъ сообща, сдавались деревни или части ихъ на основаніи заключенныхъ съ ними порядковъ. Какъ велось крестьянское хозяйство въ деревняхъ съ нѣсколькими дворами, — этотъ вопросъ очень занималъ автора. Но на основаніи писцовыхъ книгъ составить объ этомъ опредѣленное заключеніе довольно трудно. Потому и въ выводахъ автора нельзя не отмѣтить нѣкотораго колебанія. Съ одной стороны онъ полагаетъ, что „деревня не представляла непремѣнно одно цѣлое крестьянское хозяйство“. Но вслѣдъ за этимъ спѣшитъ оговориться, что „были, конечно, деревни, въ которыхъ велось одно общее хозяйство, не смотря на то, что тамъ былъ не одинъ, а нѣсколько дворовъ. Таковы деревни, въ которыхъ сидѣли крестьяне родственники или и постороннія лица, но снявшія деревню вмѣстѣ, для общаго хозяйства. Деревни, въ которыхъ сидѣли крестьяне-родственники, можно думать, составляли большинство тогдашнихъ небольшихъ деревень. Для крестьянъ-родственникововъ весьма можно допустить, если не всегда, то въ значительномъ числѣ случаевъ, общее хозяйство, особенно въ небольшихъ деревняхъ въ 2—3 двора, а такихъ большинство“.

На основаніи приведенныхъ выдержекъ читатель, кажется, въ правѣ сдѣлать выводъ, что общее хозяйство у крестьянъ-родственникововъ, проживающихъ небольшими деревнями въ 2—3 двора, было явленіемъ

общераспространеннымъ, обычнымъ, составляло общее правило. Но авторъ спѣшитъ сейчасъ же поколебать этотъ выводъ: непосредственно за приведенными словами онъ утверждаетъ, что „и крестьяне-родственники далеко не всегда вели общее хозяйство“. Въ подтвержденіе приводится опись деревни Веряжкиной, въ которой крестьяне-родственники жили въ 9 отдѣльныхъ дворахъ, при чемъ „каждый изъ родственниковъ, за исключеніемъ двухъ, велъ свое особое пашенное хозяйство. Это видно изъ того, что каждый дворъ положенъ въ обихъ отдѣльно отъ другихъ“. Хотя этотъ примѣръ ниже названъ „очень рѣдкимъ“ (въ журнальной статьѣ было даже сказано: „едва ли не единственный“), но онъ подкрѣпляется практикой XVII вѣка, въ которомъ „живетъ эта новгородская старина“. Авторъ приводит данныя изъ писцовыхъ книгъ Кеврольскаго уѣзда о томъ, „что крестьяне владѣютъ своими участками «по дѣловымъ актамъ» съ братьей своей, что они продаютъ, закладываютъ и даже завѣщаютъ свои участки. Сыновья, по смерти отца, дѣлятъ свои участки и составляютъ особые «дѣловыя» записи, по которымъ и владѣютъ. Это, конечно, исключаетъ общее хозяйство даже такихъ близкихъ родственниковъ, какъ родные братья. Но гдѣ такого раздѣла не сдѣлано, тамъ можетъ быть общее хозяйство“.

Изъ этихъ данныхъ читатель долженъ, наоборотъ, вывести заключеніе, что общее хозяйство въ деревняхъ составляетъ исключеніе, если оно ведется по преимуществу лишь братьями, продолжающими жить безъ раздѣла послѣ смерти отца. Подтвержденіе такому заключенію читатель найдетъ и въ слѣдующихъ словахъ автора: „Несмотря на то, что жители деревни могли вести и отдѣльное и общее хозяйство, посѣвъ ржи и доходъ въ деревняхъ обыкновенно показывается для всей деревни вмѣстѣ, а не порознь для каждаго отдѣльнаго хозяйства. Надо думать, что это дѣлается въ удобствахъ писцовъ, для облегченія ихъ труда, а не потому, чтобы каждая деревня, сколько бы дворовъ въ ней ни было, непременно имѣла общую запашку“. Даже и для деревни Веряжкиной посѣвъ ржи показанъ въ общемъ итогѣ, хотя отдѣльные дворы имѣютъ разный посѣвъ. Значитъ, показанія писцовыхъ книгъ не имѣютъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ о томъ, какое хозяйство преобладало въ крестьянскихъ деревняхъ, общее или отдѣльное. Такъ думаетъ и авторъ: „итакъ, говорить онъ, въ этомъ пунктѣ новгородскія писцовыя книги не вполне соответствуютъ дѣйствительности. Онѣ показываютъ въ общемъ итогѣ посѣвъ и доходъ и для такихъ деревень, дворы которыхъ вели разное хозяйство и

вносили разные платежи въ пользу владѣльца земли“. Однако, на слѣдующей же страницѣ, въ примѣчаніи, приведя изъ изслѣдованія архимандрита Сергія итоги дворовъ въ деревняхъ Вотской пятины, гдѣ оказалось до 730 деревень изъ 1073 съ 1, 2, рѣдко 3 дворами, авторъ замѣчаетъ: „Надо думать, что во многихъ случаяхъ это дворы родственниковъ, отца съ сыновьями и родными братьями; надо думать, что весьма часто они ведутъ общее хозяйство, а слѣдовательно во многихъ случаяхъ опись писца совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности“ (101—106).

Изъ этихъ двухъ противоположныхъ заключеній, между которыми мнѣніе автора колеблется то въ пользу одного, то въ пользу другого, надо признать правильнымъ то, по которому общимъ явленіемъ было отдѣльное хозяйство въ деревняхъ съ нѣсколькими дворами даже у крестьянъ-родственниковъ. Это заключеніе необходимо принять, во-первыхъ, потому, что иначе оказалось бы коренное противорѣчіе въ наблюденіяхъ автора. Раньше, проводя различіе между нашимъ деревенскимъ бытомъ и южно-славянской задругой, онъ отмѣтилъ, что у насъ наблюдается склонность къ дѣлежу и жизни своимъ дворомъ (57), а изучивъ составъ двора, пришелъ къ слѣдующему выводу: „Въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ семействомъ, во главѣ котораго стоитъ отецъ; иногда это двѣ, много три семьи родныхъ братьевъ, иногда это семьи отца и его сыновей. Два послѣднихъ случая представляютъ семейную общину, но весьма различную по числу членовъ и по организаціи отъ южно-славянской задруги, какъ она представляется по матеріаламъ, собраннымъ г. Богничемъ. Большаго числа членовъ въ этихъ общинахъ мы не можемъ допустить потому, что все дѣло ограничивается соединеніемъ двухъ, много трехъ семей. Да и это случаи довольно рѣдкіе. У насъ преобладало стремленіе къ дѣлежамъ. Имѣемъ многочисленныя указанія, что изъ двухъ-трехъ братьевъ, оставшихся послѣ смерти отца, каждый заводитъ себѣ особый дворъ, т. е. по смерти отца не образуется никакой семейной общины, а происходитъ дѣлежъ. Надо сказать даже болѣе. Сыновья еще при жизни отцовъ выдѣлялись изъ семьи и устраивали свое самостоятельное хозяйство въ особыхъ дворахъ. Зятья тоже нерѣдко живутъ въ особыхъ дворахъ. Такимъ образомъ, натуральная семья легко распадалась, такъ были мы далеки отъ сложныхъ семей южныхъ славянъ. Этими дѣлежами, можетъ быть, и надо объяснить то, что въ крестьянскихъ семьяхъ у насъ не удержались родовыя названія, а только отеческія. На ту же немногочисленность семей

указываетъ и весьма распространенный обычай товарищества двухъ постороннихъ людей для найма деревни. Въ этомъ чувствуется потребность соединенія силъ для хозяйства, но родственныя силы идутъ врознь; въ восполненіе этого недостатка люди соединяются не съ родными, а съ посторонними, съ «пріятелями» (65—66).

При описанныхъ условіяхъ, о какомъ общемъ пашенномъ хозяйствѣ нѣсколькихъ дворовъ деревни можетъ идти рѣчь? Люди стремятся къ дѣлежу и обыкновенно дѣлятся, а потомъ, раздѣлившись и заведя особые дворы, начнутъ общее пашенное хозяйство? Документально установлено лишь одно, что при раздѣлѣ часто не все хозяйство дѣлится до тла; тѣ или нныя части его остаются въ общемъ владѣніи и послѣ раздѣла. Это иногда общій овинъ, баня, чаще выгонъ, лѣсъ, луга, угодья. На общихъ лугахъ хозяйство ведется или особо каждымъ участникомъ по очереди, „по годамъ“, или сообща, когда косятъ вмѣстѣ, а потомъ дѣлятъ копны сѣна. Подобнымъ же образомъ велось хозяйство и на общихъ рыбныхъ ловляхъ. Но объ общей пашнѣ или запашкѣ разныхъ дворовъ документы молчатъ.

Не привелъ такихъ документальныхъ подтвержденій и авторъ и не могъ привести. Его догадка объ общемъ хозяйствѣ съ общою запашкою въ небольшихъ деревняхъ въ 2—3 двора основана, повидимому, единственно на томъ, что въ писцовыхъ книгахъ „посѣвъ ржи и доходъ въ деревняхъ, обыкновенно, показывается для всей деревни вмѣстѣ, а не порознь для каждаго отдѣльнаго хозяйства“. Но самъ же онъ объяснилъ, какъ надо истолковать такой приемъ описи: „это дѣлается въ удобствахъ писцовъ, для облегченія ихъ труда“ (104). Къ этому чисто техническому соображенію необходимо присоединить предложенное также самимъ авторомъ и болѣе глубокое историческое толкованіе такого приема описи. Указавъ, что деревня-дворъ представляетъ первичное явленіе, авторъ продолжаетъ: „Но деревня съ нѣсколькими дворами продолжаетъ еще составлять нѣкоторое единство. Хотя бы въ деревнѣ было и нѣсколько дворовъ, но хозяйство ихъ описывается не по отдѣльнымъ дворамъ, а совокупно для цѣлой деревни. Послѣ описи числа дворовъ и людей въ нихъ, если дворовъ нѣсколько, обыкновенно читаемъ: „свѣютъ ржи столько-то, сѣна косятъ столько-то; т. е. всѣ дворы. Затѣмъ въ обжи, для платы государственныхъ повинностей, положены—не отдѣльные дворы, а каждая деревня, какъ особое цѣлое; исключенія изъ этого порядка обложенія весьма рѣдки. Наконецъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, доходъ владѣльца исчисляется съ каждой отдѣльной деревни, а не съ

отдѣльныхъ дворовъ. Все это говорить въ пользу того, что первоначальный типъ деревни—отдѣльное пашенное хозяйство съ отдѣльнымъ дворомъ, что появленіе нѣсколькихъ дворовъ есть результатъ дѣленія основнаго двора, а потому нѣкоторыя черты первоначальнаго единства сохраняются и при нѣсколькихъ дворахъ“ (51). Итакъ, общія итоги хозяйства для цѣлой деревни не болѣе, какъ только любопытный историческій слѣдъ.

Наоборотъ, имѣются многочисленныя указанія памятниконъ, что отдѣльные дворы въ деревняхъ вели особое пашенное хозяйство. Только эти указанія надо искать не въ писцовыхъ книгахъ. Въ новгородскихъ книгахъ авторъ нашелъ всего два подобныхъ указанія и дополнилъ ихъ ссылкой на Кеврольскія писцовыя книги XVII вѣка по выдержкамъ изъ нихъ въ трудѣ П. И. Иванова. Но дѣло давно уже выяснено въ изслѣдованіи А. И. Ефименки, что, конечно, хорошо извѣстно и проф. Сергѣевичу, который и приводитъ въ своей книгѣ совершенно опредѣленныя указанія изъ этого труда. „Изъ приводимыхъ г-жей Ефименко выписокъ изъ веревныхъ книгъ видно, что каждый дворъ имѣетъ свой участокъ земли. Но этотъ участокъ находится не въ одной межѣ, а въ разныхъ мѣстахъ и межахъ. Дворовый участокъ состоитъ, такимъ образомъ, изъ массы мелкихъ участковъ, весьма разбросанныхъ. Изъ наименованія этихъ участковъ или ключевъ земли видно, что каждый дворъ деревни имѣетъ по клочку въ каждомъ сортѣ земли и въ каждой особой мѣстности. Если была горная земля, то каждому двору деревни дано по клочку горной; была запольная или по нижнему ручью — каждому дано по клочку запольной и по нижнему ручью и т. д. Ясно, что при дѣленіи земли первоначальной деревни-двора между новыми дворами, положеніе наслѣдниковъ старались уравнивать надѣленіемъ ихъ не только одинаковымъ количествомъ земли, но и одинаковаго качества. Крайняя же дробность клочковъ объясняется тѣмъ, что на крайнемъ сѣверѣ, при наличности массы болотъ, лѣсовъ и неудобныхъ земель, земли годныя для хлѣбопашества заключались въ небольшихъ и разбросанныхъ участкахъ. Веревныя книги, хотя принадлежатъ началу XVII вѣка, совершенно, однако, совпадаютъ съ изложеннымъ въ текстѣ взглядомъ на деревню и дворъ“ (52—53, прим.). Но если все это вполне соответствуетъ хозяйственному положенію деревни въ XVI—XVII вѣкахъ, то о какой общей запашкѣ у отдѣльныхъ деревенскихъ дворовъ можетъ быть рѣчь?

Автору пришлось еще разъ вернуться къ вопросу о деревенскомъ

хозяйствѣ, когда онъ ставитъ вопросъ, существовало ли у крестьянъ общинное землевладѣніе. Отрывки изъ его отвѣта приведены выше. Авторъ утверждаетъ, что „однодеревенцы могли вести раздѣльное и общее хозяйство, но ни въ какомъ случаѣ не общинное, ибо не было общины“. Указавъ далѣе разницу между общиннымъ и общимъ хозяйствомъ, онъ говоритъ: „Какъ велось это общее хозяйство, этого мы не знаемъ. Источники не входятъ въ такія подробности, не имѣющія значенія для той цѣли, для какой составлялись писцовыя книги. Можно, однако, думать, что оно велось тогда совершенно также, какъ ведется и теперь. Если наслѣдники и товарищи были пріятели, любили другъ друга и жили дружно, они могли вести общее хозяйство въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и даже жить въ одномъ дворѣ и ѣсть изъ одной чашки. Если они не уживались вмѣстѣ и ссорились, они, конечно, дѣлились и оставляли въ общемъ владѣніи самое необходимое, выгоны, а иногда луга, раздѣляя сѣно въ копнахъ или пользуясь ими погодно“ (120).

Все это надо принять. Подробности общаго и раздѣльнаго хозяйства въ деревняхъ по писцовымъ книгамъ возстановить нельзя. Но эти подробности выясняются по другимъ документамъ, которые дополняютъ недосказанное и разъясняютъ неясное въ писцовыхъ книгахъ. Общее хозяйство въ широкомъ смыслѣ и съ общою запашкою крестьяне родственники или товарищи могли вести и вели только тогда, если жили въ одномъ дворѣ и ѣли изъ одной чашки. А когда они, вслѣдствіе ли несогласій, или по хозяйственнымъ соображеніямъ, дѣлились и раздѣлялись по отдѣльнымъ дворамъ, то дѣлили и пашню, а въ общемъ владѣніи оставляли лишь немного, что раздѣлить было не возможно или очень невыгодно.

За пользованіе землей крестьяне платятъ въ пользу господъ „доходъ“. Обычно доходъ взимался хлѣбомъ, въ видѣ ли опредѣленнаго количества мѣръ (коробей) или опредѣленной части урожая, отъ пятины до половины. Иногда допускалась замѣна натурального сбора денежнымъ по установленной цѣнѣ продукта, а часто доходъ прямо опредѣлялся въ деньгахъ. Кромѣ того въ доходъ поступали, подъ именемъ „мелкаго дохода“, и другіе продукты крестьянскаго хозяйства: масло, сыръ, мясо, яйца, пряжа и пр., которые также могли быть замѣнены денежными платами по установленной опцѣнкѣ. Какъ виды сборовъ, такъ и ихъ размѣры представляли даже въ предѣлахъ одного и того же владѣнія большое разнообразіе, а въ разныхъ владѣніяхъ различались и еще болѣе. Пестрота дохода усиливалась еще

болѣе чрезвычайными сборами, по терминологіи автора. Сюда онъ относитъ: поклонъ, даръ, сборъ за повозъ и постояніе. Предложенныя авторомъ толкованія этихъ терминовъ могутъ вызвать, однако, нѣкоторыя сомнѣнія.

Для иллюстраціи разнообразія платежей авторъ беретъ въ трехъ погостахъ Вышневолоцкаго уѣзда четыре деревни съ одинаковымъ размѣромъ хозяйства: съ 1 дворомъ, въ 1 обжу и въ 3 коробы посѣва ржи каждая. Одинъ владѣлецъ получаетъ со своей деревни, при переводѣ всѣхъ сборовъ на деньги, всего 8 новгородскихъ денегъ; другой—17 денегъ и, сверхъ того, пятину урожая, курицу и польозчины; третій—24 деньги, и четвертый—27 съ половиною денегъ. „Разница крайнихъ случаевъ доходитъ почти до четверной платы за участокъ земли той же мѣры“ (111). А „землевладѣніе одного крестьянскаго двора превышаетъ владѣніе другого отъ 2-хъ до 14-ти разъ“ (106).

Чѣмъ же объяснить такую значительную разницу въ платежахъ крестьянъ-арендаторовъ? На этотъ вопросъ авторъ даетъ такой отвѣтъ: „Порядныя описанныхъ въ концѣ XV вѣка крестьянъ, конечно, были заключены ими въ разное время; нѣкоторыя изъ нихъ могли быть заключены еще ихъ дѣдами и прадѣдами. А въ разное время, конечно, были и разныя условія спроса и предложенія земель. Отсюда и различія. Хотя право свободнаго перехода и могло смягчать эти различія, но, надо думать на практикѣ оно встрѣчало значительныя препятствія въ привычкѣ къ насиженному мѣсту и въ выгодахъ и удобствахъ, представляемыхъ благоустроеннымъ хозяйствомъ, а потому крестьяне и мирились съ указаннымъ неравенствомъ. Самые же крупныя случаи неравенства могутъ имѣть особый источникъ. Вновь приходящіе крестьяне садились, обыкновенно, на льготѣ и первое время ровно ничего не платили. Въ писцовыхъ книгахъ такъ и обозначается: „старого дохода не было: сѣли ново“. Можно думать, эти новоселы не сразу входили въ свой полный платежъ, а начинали съ уменьшеннаго. Въ имѣніи Д. Козонскаго была деревня въ 5 дворовъ и въ 11 коробей посѣва. Они старого дохода не платили, потому что сѣли ново. Новый доходъ съ нихъ уже шелъ, но всего въ размѣрѣ четверти урожая изъ хлѣба и хмеля. А старые крестьяне, при посѣвѣ въ 2 съ половиною коробки, въ этомъ имѣніи платили при той же четверти еще 7 денегъ и мелкій доходъ (II, 34). Весьма вѣроятно, что и сведенные бояре поступали такъ же; такъ и могла возникнуть та несоразмѣрность платежей съ размѣрами хозяйства, на которую мы указали. Общее правило найма земель, по всей вѣроятности, было

такое: чѣмъ больше снималось земли, тѣмъ была выше и плата. Но въ разное время, смотря по спросу и предложенію, плата за землю опредѣлялась различно; новоселы же не сразу входили во всю плату, а постепенно“ (112—114).

Все это объясненіе нельзя не признать прежде всего излишне-теоретичнымъ. Документированъ только случай съ новоселами. Другія указанія въ догадкѣ условія неравенства платежей могли существовать; но существовали ли дѣйствительно—этого не рѣшится утверждать и авторъ. Если условія спроса и предложенія земель мѣнялись, то въ какомъ направленіи? Арендная плата за землю обнаруживала ли въ общемъ тенденціи къ возрастанію или къ паденію? Только съ выясненіемъ такихъ общихъ вопросовъ появится почва для построенія догадокъ, какія предлагаетъ авторъ. А онъ и не ставитъ такихъ вопросовъ. Трудно также думать, чтобы при равенствѣ хозяйствъ и прочихъ равныхъ условіяхъ крестьянинъ, уплачивающій вдвое большій доходъ по сравненію съ своимъ сосѣдомъ, спокойно мирился съ своимъ положеніемъ изъ-за привычки къ насиженному мѣсту и заведенному хозяйству, если даже оно было „благоустроено“. При свободѣ перехода и обиліи земель должно бы наблюдать стремленіе устроиться съ большой выгодой. Если же крестьянинъ оставался при прежнихъ условіяхъ аренды, то не вынуждали ли его къ этому какія-либо особыя причины, осложнявшія простой договоръ найма земли, въ родѣ полученной подмоги или ссуды, не уплаченнаго своевременно дохода и прочее? Къ сожалѣнію, новгородскія писцовыя книги, при всемъ богатствѣ ихъ содержанія, не содержатъ данныхъ для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ. А проф. Сергѣевичъ, повидимому, такихъ вопросовъ даже и не допускаетъ.

Кромѣ сдачи земли подъ пашню, владѣльцы имѣній сдавали еще небольшіе участки подъ дворы за особую плату, именуемую „поземомъ“. Съемщики такихъ усадебныхъ участковъ назывались поземщиками, а позднѣе стали называться по московской терминологіи бобылями. Авторъ даетъ подробную характеристику этого класса населенія, значительно отличающуюся отъ высказанныхъ ранѣе въ литературѣ мнѣній о бобыляхъ. Далѣе онъ говоритъ о захребетникахъ, подворникахъ и еще разъ касается вопроса о свободѣ перехода и о прикрѣпленіи крестьянъ (129—163). Многое въ этомъ отдѣлѣ можетъ возбудить серьезныя сомнѣнія читателя. Ниже, при разборѣ мнѣній автора о тяглѣ и объ окладныхъ единицахъ, будутъ отмѣчены нѣкоторыя изъ этихъ сомнѣній. О другихъ же здѣсь и говорить не при-

дятся въ виду того, что они могутъ быть разъяснены лишь въ связи съ основными положеніями автора по исторіи крестьянъ, испытавшими при недавнемъ ихъ пересмотрѣ нѣкоторую переработку съ отступленіями отъ защищаемыхъ прежде точекъ зрѣнія.

Всѣ подобранныя авторомъ данныя о порядкѣ эксплуатаціи имѣній и платежахъ крестьянъ и поземщиковъ могли бы получить определенное значеніе лишь при переводѣ цифроваго матеріала памятниковъ на современныя цѣны. Авторъ, однако, съ сожалѣніемъ признается, что сдѣлать этого не въ состояніи. „Мы указали размѣры (приблизительно) крестьянскихъ участковъ и падающіе на нихъ платежи. Платежи эти, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, легко перевести на деньги въ тогдашней валютѣ и на вѣсъ серебра. Эти указанія не трудно и значительно увеличить: матеріалъ для нихъ дастъ каждая страница писцовыхъ книгъ. Но идти далѣе мы не можемъ. Мы не находимъ возможности сказать, какую современную цѣнность представляла тогдашняя гривна или рубль и этимъ перевести на понятныя намъ величины крестьянскія повинности XV вѣка. Попытки, сдѣланныя для перевода цѣнности стариннаго рубля на наши, представляются намъ недостаточно убѣдительными“ (149). Безъ всякой же, хотя бы приблизительной, нормы перевода старой монетной системы на нашу современную всѣ изслѣдованія объ экономическомъ бытѣ обречены блуждать въ полной темнотѣ. При такихъ условіяхъ, до принсканія болѣе точныхъ способовъ перевода старыхъ рублей на наши, необходимо пользоваться способомъ В. О. Ключевского, имѣя въ виду предложенныя г. Н. Рожковымъ поправки.

Вторая по размѣрамъ большая часть рассматриваемой книги посвящена вопросамъ тягла и порядка обложенія. По своему значенію эта часть имѣетъ особый интересъ уже въ силу того, что по затронутымъ въ ней вопросамъ, неоднократно обсуждавшимся въ исторической литературѣ послѣднихъ 12 лѣтъ, проф. Сергѣевичу впервые пришлось высказаться въ печати. Вопросы же эти, при всей ихъ огромной важности, представляютъ еще очень много спорнаго и неяснаго.

Что же внесъ новаго для рѣшенія и выясненія этихъ вопросовъ проф. Сергѣевичъ? Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что никакого новаго фактическаго матеріала авторъ не даетъ; онъ пользуется только ранѣ опубликованными памятниками. Этотъ матеріалъ, однако, довольно обширенъ, хотя едва ли достаточенъ для выясненія не только

подробностей, но даже главнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи тягла. Привлеченіе дальнѣйшаго архивнаго матеріала по даннымъ темамъ нельзя не признать, поэтому, весьма желательнымъ. Но и новая обработка стараго матеріала можетъ повести къ совершенно новымъ выводамъ. Съ этой точки зрѣнія надо признать, что проф. Сергѣевичъ и здѣсь не идетъ по намѣченнымъ путямъ, а ищетъ новыхъ рѣшеній, не довольствуясь предложенными ранѣе. Это общая черта всѣхъ его изысканій.

Но въ послѣднихъ его трудахъ, сверхъ того, все чаще и сильнѣе наблюдается одна особенность, ранѣе совершенно не проявлявшаяся, — это возрастающее недовольство новыми историческими трудами и ихъ авторами. Исторіи конца XIX вѣка неоднократно вызываютъ большое неудовольствіе проф. Сергѣевича (стр. 127 пр., 160, 241 пр., 279 пр., 287 пр., 378 пр., и съ 385 до конца). Онъ не ограничивается критикой мнѣній того или другого автора и нерѣдко присоединяетъ къ разбору мнѣній личныя характеристики изслѣдователей. Такіе отзывы объ авторахъ, что „онъ обладаетъ особою способностью крайне осложнять и запутывать самые простые вопросы и дѣлать ихъ совершенно неразрѣшимыми“, что „ему не ясны послѣдствія того, что онъ говоритъ“, что „авторъ самъ не знаетъ, что онъ доказалъ“, что „почтенный авторъ очень далеко отъ пониманія тѣхъ отношеній, изученіе которыхъ избралъ своей специальностью“ и т. п., — такіе отзывы выходятъ за предѣлы компетенціи ученой критики и показываютъ только, что критикъ внесъ въ ученой споръ элементы личнаго раздраженія. Неумѣстность подобныхъ замѣчаній призналъ и самъ авторъ „Древностей“: въ изданіи отдѣльной книгой своихъ статей онъ многія „характеристики“ изслѣдователей выбросилъ. Даже Соловьеву, за его непослѣдовательность въ вопросѣ объ общинѣ, кинуть такой упрекъ: „Соловьевъ гораздо ближе къ Бѣляеву, чѣмъ къ Чичерину, но это осталось для него тайной, а Бѣляевъ подвергся рѣзкимъ укоризнамъ, вмѣсто выраженія сочувствія. Таково вліяніе ученыхъ „кружковъ“: Соловьевъ и Бѣляевъ принадлежали къ разнымъ“ (427). Удивительно ли послѣ этого, что писатели конца XIX вѣка навлекаютъ на себя неоднократно большую немилость г. Сергѣевича?

Но когда обвинительные акты въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ предъявлены противъ очень многихъ, то чувство личной обиды ослабляется и отпадаетъ, а сознаніе личной отвѣтственности смѣняется увѣренностью, что горячность полемическихъ приемовъ гораздо больше

вредить самому критику и защищаемымъ имъ взглядамъ, чѣмъ жертвамъ его ученаго гнѣва. При такихъ условіяхъ можно и должно совершенно спокойно разсмотрѣть и оцѣнить какъ возраженія, такъ и собственные выводы проф. Сергѣевича.

Вотъ для иллюстраціи два образца его полемическихъ приѣмовъ.

Проф. Сергѣевичъ возражаетъ пишущему настоящія строки по вопросу объ ограниченіяхъ перехода тяглыхъ и письменныхъ людей: „Отъ своего предшественника (Чичерина) г. Дьяконовъ различается только тѣмъ, что знаетъ, что приводимые имъ запреты не были новостью: „Они ведутъ свое начало отъ XV и даже XIV столѣтія“, говоритъ онъ. Но почему же одни и тѣ же запреты въ XVI вѣкѣ доказываютъ прикрѣпленіе, а въ XV и XIV нѣтъ? Положеніе автора не очень удобное. Падо или *согласиться съ нами*, или сдѣлать еще шагъ въ томъ же направленіи и утверждать, что крестьяне были прикрѣплены еще въ XIV вѣкѣ. Авторъ не рѣшается ни на то, ни на другое и ищетъ выхода въ чрезвычайно запутанномъ объясненіи. Послѣ только что сдѣланной выписки онъ продолжаетъ такъ: „Но въ тѣ вѣка подобные запреты, обращенные къ землевладѣльцамъ, лишь доказываютъ, что мѣстныя правительства не могли принять прямыхъ мѣръ къ ограниченію крестьянскаго перехода“. Предположеніе это ни на чемъ не основано. Чтобы его сдѣлать, надо было прежде доказать, что въ XIV и XV вѣкѣ правительства, а не землевладѣльцы, стремились къ ограниченію выхода крестьянъ. А этого авторомъ не сдѣлано. По его мнѣнію, правительство было бессильно для борьбы съ переходами, а по источникамъ оно принимало мѣры для ограниченія переходовъ вовсе не по своей инициативѣ, а по просьбамъ владѣльцевъ“ (455. Въ отдѣльной статьѣ, вмѣсто послѣдняго предложенія, стоитъ: „Вносить въ историческія изслѣдованія совершенно произвольныя предположенія, едва ли хорошій научный приѣмъ. Это только запутываетъ дѣло“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1901, № 4, 338). Суровый критикъ очевидно и не подозрѣвалъ, что я въ данномъ мѣстѣ вполне *согласился съ нимъ*. Его мнѣніе приведено даже въ ковычкахъ, а въ примѣчаніи сдѣлана сноска на страницы его трудовъ. У меня сказано: „Въ дополненіе къ этому можно привести за XVI вѣкъ цѣлый рядъ распоряженій, воспрепятствующихъ землевладѣльцамъ принимать и селить тяглыхъ и письменныхъ людей. Такіе запреты вовсе не были новостью. Они ведутъ свое начало отъ XV и даже XIV столѣтія. Но въ тѣ вѣка подобные запреты, обращенные къ землевладѣльцамъ, лишь доказываютъ, что мѣстныя пра-

вительства не могли принять прямыхъ мѣръ къ ограниченію крестьянскаго перехода; „отъ князя, запрещающаго переходъ, крестьяне отхлынули бы въ удѣлы, гдѣ переходъ дозволенъ“. При существованіи нѣсколькихъ княжествъ такіе запреты ограничивали лишь права землевладѣльцевъ и лишь фактически стѣсняли свободу перехода“. Въ примѣчаніи приведены ссылки на труды Чичерина, Погодина, Бѣляева и В. И. Сергѣевича съ указаніемъ ихъ названій и страницъ. Между прочимъ указана статья послѣдняго „Вольные и невольные слуги московскихъ государей“ въ *Наблюдатель* за 1887 г., № 1, 66—76. Тамъ, на стр. 66, читаемъ: „Свобода перехода есть исконное обычное право крестьянъ. Первые московскіе князья еще слишкомъ слабы, чтобы поднять руку на это право. Да при существованіи многихъ удѣловъ такой мѣры и провести было нельзя: отъ князя, запрещающаго переходъ, крестьяне отхлынули бы [въ удѣлы, гдѣ переходъ дозволенъ. При такихъ условіяхъ ничего не оставалось, какъ требовать отъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ князю льготами, не принимать на свои земли тяглыхъ людей“. Кажется, я не погрѣшилъ при передачѣ мнѣнія В. И. Сергѣевича? Съ этимъ мнѣніемъ я вполне *согласился*. Что авторъ свое мнѣніе въ настоящее время измѣнилъ и считаетъ его не обоснованнымъ и произвольнымъ, это мнѣ было неизвѣстно, такъ какъ авторъ печатно объ этомъ нигдѣ не заявлялъ. При данныхъ условіяхъ мнѣ не остается другого выхода, какъ временно устраниваться и выждать исхода полемики проф. Сергѣевича съ самимъ собою.

Другой примѣръ. На стр. 287 прим. авторъ „Древностей“ полемизируетъ съ А. С. Лаппо-Данилевскимъ. „Насколько смутны въ нашей литературѣ представленія о податныхъ обязанностяхъ населенія Московскаго государства, можно видѣть изъ труда г. Лаппо-Данилевскаго, Организация прямого обложенія, напечатаннаго въ 1890 г. Первая глава этого сочиненія имѣетъ задачу выяснить „распредѣленіе податнаго бремени между отдѣльными классами населенія“. Въ самомъ ея началѣ (стр. 45) высказывается такое общее положеніе: „Обязанности распались, какъ извѣстно, на служебныя (военныя) и податныя. Не было, однако, никакой возможности и даже надобности одинъ и тотъ же классъ обременять исправленіемъ обязанностей существующихъ двумъ разнымъ классамъ; поэтому люди служилые не выполняли податныхъ обязанностей такъ же, какъ люди тяглые—военныхъ“. И такъ, на разныхъ классахъ лежатъ разныя обязанности: низшій несетъ податное тягло, высшій—военное. Въ подкрѣпленіе своей мысли авторъ приводитъ на той же страницѣ и мнѣніе проф. Ключ-

чевскаго, который утверждает, что съ объединеніемъ Сѣверной Руси поземельныя льготы, какъ послѣдствіе обязательной службы служилыхъ людей, стали общимъ нормальнымъ явленіемъ и получили значеніе сословныхъ преимуществъ служилаго класса. Это то же, что говорить и самъ г. Лаппо-Данилевскій, т. е. служилые люди съ объединеніемъ Руси свободны отъ податныхъ обязанностей. А вотъ что находимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи“. Критикъ далѣе приводитъ 11 выдержекъ изъ послѣдующихъ страницъ книги, гдѣ указывается, что служилымъ людямъ приходилось платить подати. Этотъ перечень критикъ заключаетъ замѣчаніемъ: „И такъ безъ конца. Мы не поспешили на выписки, но потому, что приводимые авторомъ матеріалы прекрасно подтверждаютъ наше мнѣніе. Но какъ быть съ мнѣніемъ двухъ почтенныхъ ученыхъ, которое мы привели въ началѣ? Полное несоотвѣтствіе выводовъ съ документами совершенно непонятно и составляетъ нѣкоторую тайну произведеній этихъ авторов“.

Оставимъ пока существо дѣла въ сторонѣ, хотя основной выводъ проф. Сергѣевича, что „все населеніе княженій было обязано нести государственныя повинности“, нуждается въ болѣе серьезныхъ ограниченіяхъ, чѣмъ указанная имъ. Упомянутыя мнѣнія профессоромъ Ключевскаго и Лаппо-Данилевскаго слѣдуетъ признать въ приведенной общей формулѣ также ошибочными. Но вотъ что странно. Г. критикъ, пронизывающій надъ тайной произведеній двухъ почтенныхъ ученыхъ, забылъ упомянуть о третьемъ не менѣе почтенномъ имени ученаго, мнѣнія котораго по данному вопросу еще недавно мало чѣмъ отличались отъ разбираемыхъ авторомъ „Древностей“: это имя самого проф. Сергѣевича. Вотъ что читаемъ мы въ томъ I-мъ „Русскихъ Юридическихъ Древностей“, стр. 211—212: „Переходимъ къ крестьянамъ, сидѣвшимъ на черныхъ, тяглыхъ, волостныхъ земляхъ. Эпитетъ „черный“ значитъ то же, что и „тяглый“; эти слова употребляются въ памятникахъ одно вмѣсто другого... Подъ тяглыми людьми наши памятники разумѣютъ людей, на которыхъ лежатъ общія государевы дани, пошлины и всякія повинности. Владѣльческія крестьяне тоже не совершенно свободны отъ государевыхъ даней и повинностей, но по невозможности въ одно и то же время нести въ полной мѣрѣ государево тягло и повинности въ пользу частныхъ владѣльцевъ, государевымъ тягломъ облагались они въ меньшемъ размѣрѣ, а иногда и совсѣмъ отъ него освобождались. Поэтому тяглыми, черными людьми называются *не владѣльческіе крестьяне*, а по преимуществу волостные, сидящіе на черныхъ, тяглыхъ земляхъ. „Чернымъ деревнямъ“

противопологаются „не черныя“, къ которымъ относятся *не только ось владѣльческія, но даже ямскія*. И нѣсколько стробъ ниже: „Чернымъ, тяглымъ людямъ соотвѣтствуютъ черныя, тяглыя земли. Названіе, надо думать, пошло отъ земли, а не отъ людей. Люди остаются тяглыми, пока сидятъ на тяглой землѣ. *Переходя на владѣльческую, они перестаютъ быть тяглыми*. Земля же должна оставаться тяглой и при переходѣ къ высшимъ сословіямъ, хотя въ дѣйствительности это и не всегда соблюдалось“ (курсивъ вездѣ мой). Итакъ, если деревни владѣльческія не тяглыя, крестьяне, въ нихъ проживающіе, тоже не тяглыя, переходъ съ черной земли на владѣльческую превращалъ тягльца въ человека не тяглаго, то очевидно, что владѣльческіе классы податнаго тягла не несли. Кто въ состояніи указать, чѣмъ отличается это мнѣніе отъ вышеприведенныхъ мнѣній гг. Лаппо-Данилевскаго и Ключевскаго? Томъ I-й „Юридическихъ Древностей“ вышелъ въ свѣтъ въ 1890 г., т. е. одновременно съ изслѣдованіемъ г. Лаппо-Данилевскаго. Полное несоотвѣтствіе своихъ выводовъ съ документами констатируетъ теперь самъ проф. Сергѣевичъ. Но это несоотвѣтствіе не составляетъ болѣе для него тайны; а потому въ новомъ изданіи тома I-го „Юридическихъ Древностей“, появившагося въ 1902 г., указанное мѣсто совершенно исключено. Но и проф. Ключевскій въ новомъ изданіи „Боярской Думы“, появившемся также въ 1902 г., опустилъ то мѣсто, на которое сдѣлана ссылка въ изслѣдованіи г. Лаппо-Данилевскаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что и послѣдній авторъ во многомъ измѣнилъ бы свои выводы, если бы ему пришлось переиздать свое изслѣдованіе о прямомъ обложеніи еще до появленія изысканій проф. Сергѣевича о тяглѣ и порядкѣ обложенія.

Въ настоящее время проф. Сергѣевичъ защитникъ идеи всеобщности тягла въ московскомъ правѣ. Теперь онъ свидѣтельствуетъ, что эта идея была высказана Бѣляевымъ еще въ 1851 г. и не прошла безслѣдно; ее повторилъ и Ѳ. М. Дмитріевъ, указавъ что „всѣ земли, кромѣ обѣленныхъ жалованными грамотами, были податныя“. По этому поводу авторъ „Древностей“ замѣчаетъ, что „черезъ 40 лѣтъ послѣ правильнаго рѣшенія вопроса—наука дѣлаетъ большой шагъ назадъ“, и что „нѣкоторое знакомство съ литературой могло бы спасти нашихъ историковъ конца прошлаго вѣка отъ этого крупнаго заблужденія“ (378 и пр.). Нельзя не пожалѣть о томъ, что проф. Сергѣевичъ не навелъ этихъ литературныхъ справокъ передъ изданіемъ въ 1890 г. своего перваго тома „Древностей“; теперь же по всей справед-

ливости долженъ собственные упреки раздѣлить наравнѣ съ историками конца прошлаго вѣка.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію выводовъ проф. Сергѣевича о тяглѣ и порядкѣ обложенія. Этимъ вопросамъ посвящены двѣ главы книги седьмой: въ первой главѣ рѣчь идетъ о тяглѣ въ двойномъ смыслѣ—какъ о повинности и какъ о способности нести повинности; во второй—о видахъ окладныхъ единицъ.

Авторъ прежде всего устанавливаетъ понятія тягла. „Тягло“ терминъ московскихъ памятниковъ. Въ до-московское время то же понятіе выражалось терминомъ „потугъ“. „Потугъ и тягло слова одного корня; ими обозначается обязанность населенія нести государственныя повинности, тянуть ихъ къ извѣстному центру“ (164). Это опредѣленіе, однако, не удовлетворило самого автора, который вслѣдъ за этимъ ставитъ вопросъ: „Что же такое тягло?“ Отвѣтъ данъ слѣдующій: „Слово это имѣетъ двойное значеніе. Оно означаетъ, во-первыхъ, каждую повинность, лежащую на тѣхъ или другихъ лицахъ“. Въ поясненіе приводится выраженіе Усецкой уставной грамоты 1555 г.—„А собирать имъ тотъ годовой оброкъ, какъ и иные тягли межъ себя разводять“,—которое повторено и въ жалованной грамотѣ Устьянскимъ волостямъ 1622 г. „Итакъ, заключаетъ авторъ, всякая отдѣльная повинность—есть особое тягло“. Это первое значеніе „тягла“ въ опредѣленіи проф. Сергѣевича сразу возбуждаетъ рядъ недоумѣній, о какихъ повинностяхъ идетъ здѣсь рѣчь? Вѣдь не о повинностяхъ въ пользу частныхъ владѣльцевъ? Тогда это надо было указать. Но и съ ограниченіемъ предложеннаго опредѣленія въ томъ смыслѣ, что тягло есть каждая повинность въ пользу государства, недоумѣнія не отпадаютъ. Служилые люди отбываютъ обязательную военную службу въ пользу государства. Но эта повинность тягломъ не называется. Въ Уложеніи о тюремныхъ сидѣльцахъ предписано: выматъ ихъ изъ тюрьмы и посылать ихъ въ кандалахъ работать на всякія издѣлія, гдѣ государь укажетъ (XXI, 9 и 10). Эта повинность тюремныхъ сидѣльцевъ опять не тягло. Очень сомнительно, будто видомъ тягла являлась головщина и продажа, хотя проф. Сергѣевичъ въ этомъ не сомнѣвается. „Эта повинность, говоритъ онъ, составляетъ оборотную сторону обязанности, возложенной на мѣстныхъ жителей,—ловить убійцъ и воровъ и выдавать ихъ на судъ княжескихъ чиновниковъ. Если мѣстные жители не ловятъ преступниковъ, они отвѣчаютъ за причиняемые ими убытки и платятъ тѣ штрафы, которые должны были бы заплатить воры и разбойники“ (174). Повинность сыскивать, ловить

и казнить лихихъ людей со времени введенія губныхъ учреждений дѣйствительно тягло. Но штрафъ за невыдачу преступника развѣ государственная повинность? Почему тогда не отнесена къ видамъ тягла финансовая отвѣтственность избирателей за злоупотребленія и недоборы таможенныхъ и кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ?

Признаки тягла едва ли правильно отмѣчены проф. Сергѣевичемъ. Тягло отнюдь не всякая повинность, даже не всякая государственная повинность. Существеннѣйшимъ признакомъ всякаго тягла по московской терминологіи является возможность измѣренія его по тѣмъ или инымъ началамъ окладного счета. Безъ понятія объ окладной единицѣ нѣтъ и тягла, хотя могутъ быть повинности.

Тягло, по мнѣнію проф. Сергѣевича, имѣетъ еще и другое значеніе. „Кромѣ повинности, слово тягло означаетъ еще и способность нести ту или иную повинность въ пользу государства. Каждый чловѣкъ тянетъ повинности въ мѣру его хозяйственныхъ силъ. Люди, которымъ платить не съ чего, никакихъ повинностей не тянутъ. Въ грамотахъ о сборѣ повинностей московское правительство предписываетъ плательщикамъ: „Учинить между собою оклады по тяглу и промысламъ“ (А. Э., III, № 126; IV, № 243, 250, 251; 1622—1682 гг.). Здѣсь тягло—есть способность къ платежу; окладъ платежа опредѣляется по этой способности, по тяглу“ (165).

Едва ли, однако, такое заключеніе можетъ быть принято. Изъ приводимыхъ авторомъ документальныхъ указаній первое содержитъ то самое выраженіе, которое уже было приведено авторомъ ранѣе въ подтвержденіе мысли, что „тягло“ означаетъ всякую повинность: „А сбирати имъ тотъ годовой оброкъ съ Устьянскихъ волостей по животомъ и промысламъ, какъ иные тягли межъ себя разводять“. Въ трехъ другихъ документахъ 1681—1682 гг. идетъ рѣчь о новомъ окладѣ стрѣлцкой подати не по сошному писъму, а по переписнымъ книгамъ съ дворовъ во всѣхъ посадахъ, въ Поморскихъ же уѣздахъ—съ посадовъ и уѣздовъ. Относительно разверстки этой дворовой подати указано: „а окладъ велѣно положить на дворы, смотря по тяглу и по промысламъ“. Что это выраженіе вполнѣ тождественно съ первымъ и означаетъ то же самое, т.-е., что новую стрѣлцкую подать съ дворовъ указано было разверстывать такъ, какъ „иные тягли межъ себя разводять“,—это явствуетъ изъ тѣхъ же документовъ, на которые ссылается проф. Сергѣевичъ. Въ одномъ изъ нихъ читаемъ: „и за выборомъ всѣхъ посадскихъ людей чинили бѣ въ городѣхъ межъ себя оклады, смотря по прожиткомъ и по промысламъ,

погодно или въ два или въ три годы, какъ бывало въ коемъ городѣ прежде сего, и по тѣмъ окладомъ разверстывали имянно, сколько въ которомъ городѣ кому имянемъ доведется тѣхъ стрѣлецкихъ денегъ платить, чтобъ лутчіе и полные люди передъ середнею и меншею статью людьми во лготѣ, а средней и меншей статей люди передъ лутчими и полными людьми въ тягости, и никто бѣ въ избылыхъ не былъ, и чтобъ по тому ихъ окладу и по разверсткѣ возможно было заплатить всякому человѣку свою долю безъ доимки; а ту разверстку, по окладу своему, чинили бѣ они впредь противъ того числа, сколько съ котораго городу положено на нихъ по сему окладу стрѣлецкихъ денегъ, а иныхъ бы никакихъ расходовъ своихъ въ ту разверстку не прикладывали, для того, чтобъ знать было, сколько съ кого стрѣлецкихъ денегъ противъ ихъ окладовъ, по разверсткѣ, на комъ именемъ взять доведется“. Относительно сбора той же подати съ Поморскихъ уѣздовъ установлено: „уѣздные крестьяне, для окладу и разверстки стрѣлецкихъ денегъ, выбирали бѣ изъ разныхъ волостей выборныхъ людей и окладъ и разверстку всякой волости и деревни чинили бѣ межъ себя, смотря по землямъ и по угодьямъ, и не посягая ни на кого, и иныхъ никакихъ поборовъ и мірскихъ своихъ расходовъ къ разверсткѣ стрѣлецкихъ денегъ не мѣшали, а учинили бѣ инымъ поборомъ и мірскимъ своимъ расходомъ особые оклады и разверстки; а что стрѣлецкихъ денегъ съ которой волости и деревни по окладу ихъ взять доведется, и тому бѣ писали окладныя книги, и чинили бѣ о томъ о всемъ противъ того жѣ, какъ писано выше сего о посадскихъ людѣхъ“. Итакъ, „учинить оклады по тяглу“ значитъ разверстать новый сборъ такъ же, какъ разверстывали прежде иныя тягла: въ городахъ по прожиткамъ и по промысламъ, а въ волостяхъ и деревняхъ — по землямъ и угодьямъ. Терминомъ „тягло“ вовсе не обозначали способности нести ту или другую повинность.

Но не подлежитъ сомнѣнію, что терминъ „тягло“ имѣлъ нѣсколько значеній. Прежде всего тягломъ называлась вся совокупность податныхъ обязанностей населенія того или иного пункта поселенія или округа, отбываемыхъ къ опредѣленному центру ¹⁾. Это значеніе тягла

¹⁾ Новгород. писц. книги, т. IV, 59: „И на тѣ пустоши садятъ хрестьяно людей въ тотъ же оброкъ себѣ въ тяглы“; тамъ же, 132: „И въ тѣхъ деревняхъ въ пустыхъ садятъ хрестьяна людей собѣ въ тяглы въ тотъ же оброкъ“; Углицкія писц. книги, издавныя М. А. Лылинскимъ, 221: „А та слобода по государевѣ грамотѣ за приписью дьячка Прокофья Пахирева 132 году отъ города отъ посаду всякимъ тягломъ отведена

отмѣчено проф. Сергѣевичемъ. Имъ же указано, что тяглою называлась и каждая отдѣльная подать или повинность въ пользу государства; выше обозначено, съ какимъ ограниченіемъ можно принять это опредѣленіе.

Но, кромѣ того, тяглою называлась и совокупность сборовъ и податныхъ обязанностей каждаго отдѣльнаго плательщика — тяглеца. Въ этомъ значеніи терминъ „тягло“ встрѣчается весьма часто. Напримѣръ, въ писцовыхъ книгахъ читаемъ: „А что по нынешнему писму и мѣрѣ в Нижнемъ Новѣгородѣ дворовъ всякихъ чиновъ людей и тяглыхъ всякихъ жилецкихъ дворовъ, и хто в каковѣ окладе в тяглѣ по мирскому окладу“... Про отдѣльныхъ жильцовъ говорится: „въ тяглѣ з денги, в тяглѣ с полушки, в тяглѣ с мортки; а по скаске бѣденъ и тягла не платить; худъ, обнищаль, за бѣдностью тягла не тянетъ; бѣдна, для бѣдности в тяглѣ быть не мочно“¹⁾. Отсюда выраженія „тянуть тягло“, „платить тягло“, „быть въ тяглѣ“, примѣнительно къ отдѣльнымъ тяглецамъ, совершенно тождественны. Въ такомъ же значеніи „тягло“ употребляется въ выраженіяхъ: „свободитися отъ тягла“, „избывать тягла и податей“²⁾. Близкія выраже-

и съ посадскими людьми тягла имъ ни во что не тянуть и въ государевыхъ ни въ какихъ службахъ имъ не быть и въ цѣловальникахъ не сидѣть“. Ср. Углицкіе акты его же, № 45, стр. 43; *М. И. Горчаковъ*. О земельныхъ владѣніяхъ, прил. стр. 29. Въ противоположность выраженію „отвести тяглою“ или „отписать“ нерѣдко встрѣчается выраженіе „тяглою написать въ одну соху или сошку“ или „приложить“. Русск. Ист. Библ., XIV, 139 (1592 г.): „а тяглою ден написалъ ихъ писецъ нашъ въ одну сошку 4 монастыри“; *С. Шумаковъ*. Тверскіе акты, I, № IV (1538 г.): „И коли ден вы приказчики со Тверя и съ Торжку нарежасте посоху и въ городовое дѣло и хлѣбъ вести по городомъ, и вы ден къ ихъ крестьяномъ монастырскимъ прикладывасте въ посошную службу и въ городовое дѣло и въ повозной хлѣбъ и въ мѣлкую тяглъ сохи пустые и грамотчики, которые ни во что не тянуть“. Гораздо чаще вмѣсто этого употреблялось выраженіе „списать сошнымъ письмомъ“, Русск. Ист. Библ., II, 216; *С. Шумаковъ*, Обзоръ „Грамотъ Коля. Экон.“, II, 152; Писц. книги XVI вѣка, II, 1173 и сл., 1218, 1224, 1248, 1255 и сл., 1274 — 1276, 1453. Рѣже вмѣсто „списать сошнымъ письмомъ“ встрѣчается „осошить вмѣстѣ“; отсюда списанные въ одну соху назывались „сошаны“. Тамъ же, 50 и 1011.

¹⁾ Русск. Ист. Библ., XVII, 4 и *passim*; „платить тягло“: Уложеніе 1649 г., XIX, ст. 9, 11, 13, 34; А. Э. IV, № 32; „быти въ тяглѣ“ или „быть на тяглѣ“: Улож., XIX, ст. 4, 12, 24, 26, 28, 30; А. Э. IV, №№ 32, 35. Сборникъ Щукина, т. III, 157 (1631 г.): „Нѣчто будетъ то ты тягло сказываешь за собою, что платишь съ крестьяны оброкъ за рыбную ловлю на Бѣлѣ озерѣ съ своего промыслу, и то твою недѣлю, что вмѣнаешь тягло свое до промыслу“; А. Э. IV, № 52: „Тягло имать съ двора его съ полуденги“.

²⁾ Улож., XIX, ст. 33; А. Э. IV, № 35.

нія „жить въ тяглѣ“ или „жить на тяглѣ“, также „сойти съ тягла“, употреблялись иногда въ переносномъ смыслѣ и въ такомъ случаѣ обозначаютъ: жить въ тягломъ дворѣ, жить на тягломъ участкѣ, сойти съ тяглаго жеребья ¹⁾). Такимъ образомъ „тягло“ въ переносномъ смыслѣ можетъ обозначать тяглый дворъ, участокъ земли, тяглый жеребей ²⁾).

Опредѣливъ терминъ „тягло“ въ указанныхъ значеніяхъ, проф. Сергѣевичъ переходитъ затѣмъ къ изслѣдованію двухъ вопросовъ: изъ какихъ повинностей складается тягло и какъ опредѣляется способность нести эти повинности. Хотя выше высказано было сомнѣніе въ томъ, что тягломъ называлась и способность нести ту или иную повинность, но вопросъ о пріемахъ, какими опредѣлялась эта способность вполне умѣстенъ и чрезвычайно важенъ.

Авторъ сначала излагаетъ отдѣльныя повинности (166—248). По его признанію, „наши источники слишкомъ скудны для сколько-нибудь полной исторической картины повинностей“. Онъ ограничиваетъ свою цѣль лишь перечисленіемъ отдѣльныхъ видовъ повинностей съ указаніями времени, къ какому каждая изъ нихъ относится. Въ заключеніе своего обзора авторъ говоритъ: „Мы перечислили всѣ главные виды тягла, но не исчерпали всѣхъ его мелкихъ разновидностей“. Последнее замѣчаніе совершенно вѣрно; также вѣрно и другое его замѣчаніе, что эти не перечисленные имъ „повинности, конечно, необходимы для дополненія описанной авторомъ системы тягла“ (242—243). Нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ не сдѣлалъ этихъ дополненій. Только при наличности ихъ можно было бы судить о томъ, вносятъ они или нѣтъ какія-либо измѣненія въ его описаніе.

При избранной авторомъ системѣ изложенія, этотъ отдѣлъ книги представляется наименѣе интереснымъ: въ немъ читатель не найдетъ ничего новаго, ничего оригинальнаго. Слѣдуя, впрочемъ, оговориться. Извѣстно, что проф. Сергѣевичъ всегда ищетъ новыхъ путей. Эти обычные пріемы изслѣдованія отражаются и въ разсматриваемомъ отдѣлѣ. Авторъ, на примѣръ, предлагаетъ свою „систему тягла“ т.-е. устанавливаетъ особыя группы отдѣльныхъ повинностей. Но эта система нисколько ни хуже, ни лучше прежнихъ, такъ какъ не про-

¹⁾ Улож., XIX, ст. 13, 23, 26, 31--33, 38: „жить въ тяглѣ или на тяглѣ“; ст. 22: „сойти съ тягла“.

²⁾ Улож., XIX, ст. 24: „сойти съ тяглаго жеребья“; Очерки сельскаго населенія, стр. 221: „будетъ онъ (бобыль) съ крестьянина Васки Иванова тягло шестую долю выти снимать“.

ливасть никакого новаго свѣта на „систему“ московскаго тягла. То же слѣдуетъ сказать и относительно отдѣльныхъ повинностей. При бѣдности матеріала, при отсутствіи сравнительной оцѣнки размѣровъ каждой изъ повинностей, всякія новыя догадки объ извѣстныхъ уже подробностяхъ не много помогутъ разъясненію дѣла. Къ тому же авторъ многія подробности обходитъ полнымъ молчаніемъ. Въ подтвержденіе сказаннаго остановимся кратко на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Авторъ начинать перечисленіе повинностей съ корма. Указавъ, что уже Русская Правда опредѣляетъ кормъ вирнику, онъ отмѣчаетъ, что „полученіе корма натурой или деньгами есть обыкновенный способъ содержанія въ Москвѣ намѣстниковъ, волостелей и ихъ пошлинныхъ людей“. О кормѣ намѣстниковъ ничего больше. Затѣмъ почти полторы страницы посвящены вопросу о замѣнѣ корма оброкомъ въ половинѣ XVI вѣка, хотя о видахъ оброка рѣчь идетъ ниже. Извѣстно, что оброкомъ замѣненъ не одинъ кормъ, но и другіе виды доходовъ намѣстниковъ и ихъ людей. Авторъ и говоритъ о присудѣ и доходѣ пошлинныхъ людей намѣстниковъ. Если бы читатель захотѣлъ узнать, какіе доходы вообще поступали въ пользу намѣстниковъ съ населенія, то онъ найдетъ еще подъ п. 5 (175), въ числѣ „пошлинъ въ пользу всякаго рода чиновниковъ“, указаніе и на постройку мѣстнымъ населеніемъ дворовъ намѣстникамъ; а въ примѣчаніи извѣстіе, что посадскіе люди въ Псковѣ пахали на намѣстника данный ему огорождъ. И опять ничего больше. Далѣе о кормѣ сказано, что его получали, кромѣ судей, еще всякаго рода люди, которые отправлялись куда-либо по княжескому дѣлу. Это княжескія ватаги, гонцы, ѣздоки, княжескіе охотники. Сюда же отнесенъ кормъ княжихъ собакъ и обязанность подданныхъ кормить княжаго коня. О послѣдней повинности идетъ рѣчь и подъ рубрикой 6-й „Княжое дѣло“ (176). Наконецъ, авторъ говоритъ объ обязанности населенія кормить войско въ военное и въ мирное время и замѣчаетъ, что „въ памятникахъ XVI вѣка разные виды корма, по способу сбора, назывались „посошнымъ кормомъ“. Но извѣстно ли автору, что памятники того же вѣка наряду съ посошнымъ кормомъ упоминаютъ о „кормахъ черныхъ“? О нихъ имѣются свѣдѣнія и въ изданныхъ актахъ ¹⁾. Читатель „Древностей“ не узнаеть объ этомъ ничего.

¹⁾ Акты изд. Юшковымъ, №№ 81—83 (1511 г.): „и кормовъ своихъ черныхъ на нихъ не емлютъ, а емлютъ на нихъ кормъ посошной“; ср. тамъ-же №№ 69 и 75.

Остановимся еще на мнѣніи автора о дани (180—189). Памятники съ XII вѣка и до XVII „подъ данью разумѣютъ все, что дается населеніемъ князю; всякая повинность, если переводится на деньги, есть дань“. Это дань, какъ понятіе родовое. А сборъ натуральный уже не будетъ называться данью? Извѣстіе первоначальнаго лѣтописца о дани рисуютъ ее, какъ натуральный сборъ: козары взимали дань съ полянъ, сѣверянъ и вятичей „по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма“; Олегъ взи малъ съ древлянъ „дань по чернѣ кунѣ“; древляне изъ явили готовность платить дань Ольгѣ „медомъ и скорою“¹⁾. Впрочемъ, проф. Сергѣевичъ дань въ собственномъ смыслѣ, какъ понятіе видовое, ведетъ отъ татаръ: „московская дань въ смыслѣ специальной повинности, а не родового термина, есть новость и составляетъ, послѣдствіе татарскаго завоеванія. Это сборъ чрезвычайный, всякій разъ вызываемый особымъ требованіемъ изъ Орды, запросомъ ханскимъ, а потому онъ и называется иногда просто „запросъ“. Сами московскіе князья никакой дани въ видѣ особаго налога съ подданныхъ не получаютъ“. И далѣе: „Ордынская дань съ 1504 г. переходитъ въ доходъ великаго князя московскаго, предназначенный на удовлетвореніе особыхъ государственныхъ нуждъ по дѣламъ восточнымъ... Сдѣлалась ли эта дань постоянной, это для насъ не ясно, но не подлежитъ сомнѣнію, что она порвала всякую связь съ ордынскимъ запросомъ и стала собираться безъ запроса изъ Орды по указу великаго князя“.

Но о дани упоминаютъ памятники и до татарскаго завоеванія. По объясненію проф. Сергѣевича въ нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ „дань“ употребляется въ родовомъ значеніи. Но въ начальной лѣтописи подъ 945 г. рѣчь идетъ о дани въ другомъ смыслѣ. Дружина обращается къ своему князю Игорю съ просьбой: „пойди с нами в дань да и ты добудеши и мы“. Игорь послушалъ ихъ, „иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой дани“.

„Что это за дань, которую отправился собирать Игорь, спрашиваетъ авторъ? Надо думать, что она не была выдумкой дружинниковъ Игоря. Они говорятъ о ней, какъ о чемъ-то совершенно обыкновенномъ. Но дань, которую собиралъ Игорь, существенно отличается отъ тѣхъ даней, о которыхъ у насъ была рѣчь до сего времени. Всѣ перечисленные нами древнія дани были мотивированныя и назначались на извѣстный предметъ. Кормъ для пищевого довольствія, городское дѣло для постройки укрѣпленій, княжое дѣло для содер-

¹⁾ Лаврентьевская, подъ гг. 6367, 6391 и 6454.

жанія князя и т. д. Какой мотивъ сбора этой дани? Дружина Игоря говоритъ князю: „мы нази, поиди съ нами въ дань“. Но древность предусматривала и эту потребность князя и его слугъ, а потому и была особая повинность—„портное“. Что слуги князя были „нази“, это не есть мотивъ дани. Дань является не мотивированной, это сборъ ни за что, даровой. Такие сборы съ характеромъ дара извѣстны и другимъ памятникамъ XII вѣка и носятъ наименованіе „полюдьа“. Мстиславова грамота, кромѣ дани, вирь и продажъ, даетъ Юрьеву монастырю „и осеннее полюдье даровное“. Это и есть та дань, которую отправился собирать Игорь. Это подарки, которые подноситъ населеніе князю во время осеннихъ его выѣздовъ..... Дань лѣтописи подъ 945 г. есть, надо думать, именно такое даровое полюдьа“ (186—187).

Все приведенное объясненіе „дани“ представляетъ собою очевидную натяжку. Прежде всего слишкомъ категорично утвержденіе автора, что всѣ древніе сборы были мотивированные и назначались на извѣстный предметъ. Если бы это было дѣйствительно такъ, то важнѣйшія потребности управленія вызвали бы и спеціальныя сборы. Между тѣмъ, по указанію самого автора, „потребности войны покрывались тогда изъ доходовъ князя съ суда ¹⁾, а не изъ особыхъ сборовъ на снаряженіе войска и на плату ему жалованья“ (209). На стр. 213 авторъ уже вынужденъ сдѣлать отступленіе отъ своего утвержденія, что „всѣ тягла у насъ возникаютъ для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей, отъ которыхъ и заимствуютъ свое наименованіе“. Иначе бы пришлось утверждать, что всѣ сборы съ 1679 — 1681 гг. идутъ только на содержаніе стрѣleckаго войска, а на покрытіе другихъ государственныхъ расходовъ не осталось бы никакихъ средствъ.

Но допустимъ, что сборъ долженъ быть мотивированъ. Кажется, ссылка дружинниковъ на свою наготу основаніе не маловажное для установленія сбора въ ихъ пользу. Авторъ утверждаетъ, что для удовлетворенія этой потребности существовала и особая повинность — портное. О чемъ же хлопотали дружинники? И зачѣмъ послушались ихъ князь Игорь? Неужели онъ не зналъ о „портномъ“, если оно дѣйствительно существовало? Авторъ о повинности „портнаго мастер-

¹⁾ Это указаніе необходимо, однако, дополнить словами лѣтописи: „Ти бо (древній) князи не сбираху многа имѣнія, не творимыхъ вирь, ни продажъ въскладаху на люди; но оже будаше правая виря, и ту возма, даеше дружинѣ на оружіе. А дружина его кормляхуся, воюючи иныя страны“.

ства" упоминаетъ подъ рубрикой „Княжое дѣло“ (176). Я пересмотрѣлъ всѣ указанные въ примѣчаніи памятники и нашелъ указаніе на „портное“ въ двухъ жалованныхъ грамотъ 1453 и 1455 гг. Могу отмѣтить болѣе раннее упоминаніе о „портномъ“ въ памятникѣ 1432—1443 г. ¹⁾; болѣе же древнихъ указаній не встрѣчалъ и очень сомнѣваюсь въ томъ, что оно существовало въ X вѣкѣ. Проф. Сергѣевичъ перенесъ „портное“ изъ XV вѣка въ X и на основаніи этого утверждаетъ, что дань, собираемая Игоремъ, есть сборъ ни за что, даровой, т. е. дань есть даръ, подарокъ. А вотъ что читаемъ въ лѣтописи: „И послуша ихъ Игорьъ, иде в Деревы в дань, и примышляше къ первой дани, и насыляше имъ и мужи его“. Лѣтописецъ рассказываетъ, что Игорь взималъ дань съ насиліемъ, за что его и убили дровляно. А проф. Сергѣевичъ хочетъ увѣрить читателя, что это были подарки. Несомнѣнно, авторъ былъ введенъ въ заблужденіе выраженіемъ Мстиславовой грамоты—„осеннее полюдые даровьное“. Полюдые же имѣетъ два значенія: первое—это объѣздъ княземъ областей княженія для суда, расправы и сбора доходовъ; второе — это княжескій доходъ. О послѣднемъ значеніи „полюдыя“ свидѣлствуютъ указанія Мстиславовой грамоты и уставной грамоты Смоленской 1150 г., гдѣ сказано: „И се даю Святѣй Богородицы и епископу десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдыя“; и ниже: „на Копысь полюдыя четьри гривны“. Но что это за доходъ? Объяснить его происхожденіе, кажется, не трудно. Князь въ области желанный гость ужъ по тому одному, что онъ лучший судья по сравненію съ посадниками и тиунами. Населеніе радовалось пріѣзду князя и встрѣчало его подношеніемъ подарковъ. Этотъ стародавній обычай, какъ пережитокъ, сохранился и до нашихъ дней: государей у насъ и теперь встрѣчаютъ хлѣбомъ—солью. Это и есть древній „даръ“ или „полюдые даровьное“. Что эти термины тождественны, объ этомъ едва ли кто будетъ спорить. Совсѣмъ не столь очевидно, что тождественны и терминъ „даръ“ и „полюдые“ въ смыслѣ сбора или дохода, когда при послѣднемъ терминѣ не стоитъ опредѣленія — „даровьное“. Оба

¹⁾ Указаны проф. Сергѣевичемъ: А. Э., I, № 56 и А. Ю. Б., I, № 31, XII; см. еще А. Ю. Б., I, № 31, II, IX, XIV, XVII; А. Э., I, №№ 46, 53, 99, 131; А. И., I, № 74; Сборникъ Муханова, №№ 120, 301 (1432—1494). Въ Сборникѣ Муханова № 301 ошибочно датированъ 1571 г.; должно стоять 1471 г. Ни въ одномъ изъ памятниковъ не говорится „портное мастерство“, но вездѣ просто „портное“, причемъ иногда съ указаніемъ, что „портное“ даютъ, „въ портное таятъ“.

эти термина употребляются независимо одинъ отъ другого, хотя и въ разныхъ памятникахъ одного времени (уставная Смоленская грамота и уставъ новгородскаго князя Святослава). Быть можетъ, „полюдьѣ“ имѣло болѣе широкое значеніе, чѣмъ „дарь“, обнимая и другіе доходы князя.

Будучи добровольнымъ приношеніемъ по своему происхожденію, „дарь“ становится мало по малу столь обычнымъ, что подношеніе подарковъ князю при объѣздѣ областей переходитъ въ обязанность населенія. Поэтому въ договорахъ Новгорода съ князьями и стояло условіе: „Что волостей всѣхъ новгородскихъ, дарь имати тобѣ отъ техъ волостей. А отъ волостей дарь имати по старинѣ“. Въ качествѣ такого сбора „дарь“ могъ входить въ составъ дани въ родовомъ ея значеніи. Но съ данью въ значеніи видовомъ „дарь“ не имѣлъ ничего общаго.

Какъ это ни странно, но къ такому же заключенію пришелъ и проф. Сергѣевичъ. Онъ, вслѣдъ за приведеннымъ объясненіемъ Игоревой дани, говоритъ: „Еще древнѣе полюдьѣ та дань, которую возлагали князья на вновь покоряемыя племена. Такую дань Олегъ возложилъ на древлянъ, примучивъ ихъ, на сѣверянъ, радимичей, Ольга снова на древлянъ, Владиміръ Св. снова на радимичей и т. д. Это была дань, платимая покоренными племенами за общаемый имъ миръ, а иногда и за охрану отъ нападенія сосѣдей“ (186). Все это совершенно вѣрно и давно уже высказано въ литературѣ. Но почему же Игорева дань отличена отъ дани Олега и Ольги, даже Владиміра Св.? Вѣдь и Игорь собиралъ дань съ древлянъ, „насилаяше имъ“, какъ и Олегъ, примучивъ ихъ. Въ чемъ же разница? Ея, конечно, и не было.

Авторъ, однако, думаетъ, „что по мѣрѣ установленія мирнаго порядка и распространенія на вновь покоряемыя племена обыкновеннаго волостнаго устройства, дани эти вышли изъ употребленія“ (189). Но авторъ знаетъ и указываетъ другое мнѣніе о дани: „думаютъ, что она составляла особый видъ налога и слѣдовательно отъ нея пошла московская дань, а не отъ татаръ“ (187, прим.). Суть дѣла, однако, вовсе не въ томъ, откуда пошла московская дань: отъ дани XII вѣка или отъ татаръ; послѣдняя догадка, конечно естественнѣе и вѣроятнѣе. А что такое была татарская дань сначала? Это была тоже дань, платимая покоренными русскими племенами татарамъ, какъ и дань древлянъ, радимичей, сѣверянъ, которые платили ее первымъ русскимъ князьямъ. По своему происхожденію и значенію обѣ эти дани совершенно тождественны. Но почему же татарская

дань могла перейти въ постоянный и всеобщій сборъ, а древняя русская дань исчезла съ установленіемъ мирнаго порядка? Отвѣта на этотъ вопросъ авторъ не даетъ. Онъ не объясняетъ, онъ только утверждаетъ. Но и утвержденія его вызываютъ сомнѣнія. „Татарская дань, говорятъ онъ, перешедшая при вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ въ налогъ, поступавшій со всѣхъ удѣловъ въ казну вел. князя, даетъ едва ли не первый примѣръ общаго тягла, падавашаго на все населеніе“ (189). Здѣсь авторъ выражается съ нѣкоторымъ еще сомнѣніемъ. Ниже его сомнѣнія исчезаютъ: „По требованію татаръ, утверждаетъ онъ, впервые возникаетъ у насъ всеобщее обложеніе: татарская дань и татарскій ямъ. Эти татарскія тягла переходятъ съ теченіемъ времени въ русскія, сперва ямъ, а потомъ и дань, и съ тѣмъ же характеромъ всеобщности“ (245).

Значить, до татаръ у насъ общаго тягла не было? Такъ ли это? Прежде всего какъ быть съ другимъ мнѣніемъ автора, высказаннымъ имъ въ отдѣлѣ о смердахъ? Тамъ читаемъ: „Какъ свободныя лица, смерды несутъ повинности въ пользу государства и съ этою цѣлью образуютъ своеобразныя податныя единицы....Смерды платятъ князю дань“¹⁾. Никакихъ ограниченій во времени или по мѣсту это мнѣніе не содержитъ, и его надо принять съ тою лишь оговоркою, что при наличности нѣсколькихъ княженій податные порядки въ каждомъ изъ нихъ могли быть и не тождественны. Но и въ различныхъ областяхъ Московскаго государства тягла также разнообразились. Что общее обложеніе существовало до татаръ, на это имѣются и документальныя указанія, давно уже отмѣченныя въ литературѣ. Автору „Древностей“, конечно, все это хорошо извѣстно; тѣмъ страннѣе, что онъ оставляетъ безъ разбора эти данныя памятниковъ. У Гагемейстера приведены четыре лѣтописныхъ извѣстія въ подтвержденіе того, что на смердовъ падали всѣ налоги. О послѣднемъ изъ приведенныхъ имъ мѣстъ Гагемейстеръ замѣтилъ: „Здѣсь явно говорится объ окладномъ изстари опредѣленномъ сборѣ“²⁾. У Бѣляева приведена ссылка на

¹⁾ Русскія юридич. древи., т. I, изд. 1-е, стр. 170—171; изд. 2-е, стр. 183.

²⁾ Вотъ эти извѣстія по Новгородской синодальной лѣтописи: „Въ лѣто 6677. Иде Даньславъ Лазутиницъ за Волокъ дашинкомъ“; на него напали суздальцы, но были побѣждены; „и отступивша новгородцы, и оныя воротившеся, взявша всю дань, а на Суждаальскыхъ смердѣхъ другую“. Подъ 6701 г. приведены лѣтныя слова Югры осаждающимъ новгородцамъ: „копимъ серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смердъ и своей дани“. Подъ 6704 г. „а Ярославъ княжаше на Търязку въ своей волости, и дани поима по всему Върху и Мѣсто и за Волокомъ

установленную Смоленскую грамоту 1150 г. въ подтвержденіе того, что дань „была опредѣлена и назначалась на цѣлья общины. Правительство обыкновенно назначало только, съ какой области сколько слѣдуетъ дани“ ¹⁾ и т. д. На этомъ мѣстѣ останавливается проф. Сергѣевичъ, имѣя въ виду доказать, что въ Смоленской грамотѣ дань употреблена въ родовомъ, а не въ видовомъ значеніи; но оставляетъ безъ всякой оцѣнки указанія грамоты на совершенно опредѣленные размѣры сборовъ. Если въ Смоленскѣ въ половинѣ XII вѣка дань взимается въ опредѣленныхъ цифрахъ; если въ Новгородѣ смерды въ началѣ XIII вѣка платятъ дань по уставамъ старыхъ князей, то, кажется, можно бы говорить объ общемъ обложеніи у насъ и до татаръ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно говорить объ общемъ тягѣ при татарахъ или при Иванѣ III.

Еще одно замѣчаніе къ отдѣлу о повинностяхъ. Заключая этотъ отдѣлъ, авторъ говоритъ: „Мы дали картину тягла въ смыслѣ государственныхъ повинностей. Но московскіе государи были богатыми частными собственниками и получали съ своихъ вотчинъ большіе доходы. Доходы съ государевыхъ вотчинъ собирались на томъ же основаніи, на какомъ и всѣ другіе частные вотчинники пользовались доходами съ своихъ земель“. Авторъ подкрѣпляетъ эту параллель нѣсколькими примѣрами и заключаетъ: „Помимо дохода частному владѣльцу, крестьяне государевы и другихъ частныхъ владѣльцевъ несли всякое государственное тягло. Доходъ частнаго вотчинника и государственныя повинности у насъ очень хорошо различались (246—247).“

Если подъ частными вотчинниками разумѣть всѣхъ другихъ владѣльцевъ, помимо великихъ князей и государей, то указанный выводъ надо принять. Но авторъ имѣетъ здѣсь въ виду также великихъ князей и государей, даже по преимуществу ихъ. Въ такомъ случаѣ этотъ выводъ требуетъ серьезныхъ ограниченій. Необходимо прежде всего напомнить отмѣченное раньше мнѣніе автора о полномъ безразличіи

възъема дань“. Подъ 6737 г. „Приде князь Михаилъ ис Чѣрнигова...и вѣдъ свободу смердовъ на 5 лѣтъ даний не платити, кто сбежалъ на чужю землю, а сямъ повеле, кто где живетъ, како уставили переднии князи, тако платите дань“. Последнее извѣстіе приведено и проф. Сергѣевичемъ въ указанномъ отдѣлѣ о смердахъ. Ср. *Гагемейстера. О финансахъ древней Россіи*, стр. 104—105, прим. 65 и 66. Сюда слѣдуетъ еще присоединить указаніе Лавр. лѣт. подъ 6579 г.: „В се же время приключяся прити отъ Святослава дань емлющю Яневи“.

¹⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства, изд. 1879 г., стр. 195.

въ Москвѣ имущество государственныхъ и имущество князя. Тамъ шла рѣчь объ имуществахъ земельныхъ (22—23). А можно было различить доходы съ дворцовыхъ земель отъ доходовъ съ земель черныхъ? Авторъ говоритъ, что „оба вида земель составляли одинаково собственность московскихъ государей“, и что крестьянъ, сидѣвшихъ „на этой частной собственности“ московскихъ государей, послѣдніе „облагаютъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это дѣлаютъ и другіе частные владѣльцы“ (246). Нельзя не пожалѣть, что авторъ не отмѣтилъ тутъ же, какой частный доходъ, отличающійся отъ государственнаго дохода, получали московскіе государи съ крестьянъ черныхъ деревень и волостей. Авторъ ссылается на оброкъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ, которымъ обложены были крестьяне, проживавшіе на конфискованныхъ у частныхъ владѣльцевъ имѣніяхъ, взаменъ взимаемаго съ нихъ раньше дохода въ пользу частныхъ владѣльцевъ. Но авторъ не доказалъ, что этотъ оброкъ не включался въ составъ тягла, и очень сомнительно, чтобы онъ былъ въ состояніи это сдѣлать. Онъ говоритъ: „Этотъ оброкъ есть доходъ частнаго владѣльца, а не государственная повинность. Въ этомъ его различіе отъ оброка въ первомъ видѣ. Такой оброкъ съ своихъ крестьянъ получали духовныя учрежденія и стали вводить нѣкоторые новые помѣщики, замѣнившіе новгородскихъ бояръ. Но этотъ оброкъ не освобождалъ отъ тягла; въ этомъ его различіе отъ оброка во второмъ видѣ. Всѣ эти крестьяне оброчники тянули съ той же земли и всякое государево тягло. Иногда къ оброку причислялась и „обежная дань“. Подъ этою данью, можетъ быть, надо разумѣть одну татарскую дань. Всѣ остальные дани оставались на государевыхъ черныхъ волостяхъ въ полной своей неприкосновенности“ (238).

Во всемъ этомъ утвержденіи вѣрно только одно: оброкъ взимался съ крестьянъ взаменъ дохода частныхъ владѣльцевъ, земли которыхъ были конфискованы на государя. Все остальное болѣе чѣмъ сомнительно. Изъ писцовыхъ книгъ мы узнаемъ, что оброкъ назначался взаменъ дохода въ опредѣленной точно обозначенной суммѣ, послѣ чего сейчасъ же обычно прибавлялась оговорка: „опричь (опрочѣ) обежныя дани“. Это значитъ, что въ указанную цифру оброка не включена цифра обежной дани. Рѣже объ эти цифры сводились въ общемъ итогъ, какъ это замѣтилъ и авторъ ¹⁾). Значеніе обежной дани, какъ государственнаго тягла, не измѣняется, конечно, отъ

¹⁾ Писц. Новг. книги, I, 106, 220, 223, 40; II, 6, 8, 241, 495—496 и проч.

того, исчисляется ли она въ отдѣльной цифрѣ, или въ общемъ итогѣ съ оброкомъ. Авторъ эту обожную дань почему-то обособляетъ и говоритъ, что всѣ остальные дани (здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о дани въ родовомъ значеніи) оставались въ полной своей неприкосновенности. Что же это значитъ? Хочетъ ли авторъ сказать, что всѣ дани, кромѣ обожной, къ оброку не причислялись? Въ такомъ случаѣ онъ ошибается; къ оброку причислялся также и волостелинъ кормъ ¹⁾).

Что же получается въ результатѣ? Оброкъ есть доходъ великаго князя, какъ частнаго владѣльца; но онъ причисляется по писцовымъ книгамъ къ обожной дани и къ намѣстничу или волостелину корму, то-есть, къ государственнымъ повинностямъ ²⁾. Но, можетъ быть, они различались при взиманіи или по мѣсту поступленія? Представляемъ автору это доказать.

Утвержденіе автора, что доходъ великаго князя, какъ частнаго вотчинника, и государственныйя повинности у насъ строго различались, вызываетъ сомнѣніе еще съ другой стороны: по этому вопросу авторъ самъ себѣ поставилъ серьезное возраженіе. Онъ въ ряду государственныхъ повинностей, подъ рубрикой 6-й, поставилъ „княжое дѣло“ и поясняетъ: „Подъ этимъ именемъ я соединяю массу повинностей, состоявшихъ въ удовлетвореніи потребностей частнаго княжескаго хозяйства“. Перечисливъ разные виды этихъ повинностей, авторъ отмѣчаетъ: „Всѣ эти разнообразныя повинности, конечно, не составляли общаго тягла для всего населенія, а падали только на нѣкоторыя его части“ (176). Но поскольку пахали княжія пашни, молотили хлѣбъ, косили княжее сѣно, ловили на князя рыбу, выходили на его охоту крестьяне дворцовыхъ волостей, это были повинности въ пользу частнаго вотчинника. Для другихъ людей это было тягло, которое шло на удовлетвореніе частныхъ потребностей княжескаго хозяйства. Граница между государственнымъ повинностями и „всякимъ дѣломъ“ на государя вотчинника опять расплывается. Если принять еще во вниманіе, что изъ дворцовыхъ доходовъ покрывались и государственныйя нужды; что въ Московскомъ государствѣ не существовало никакой государственной казны, отличимой отъ личной казны государя,—то надо будетъ очень сильно ограничить утвержденіе ав-

¹⁾ Тамъ же, I, 41, 50, 107, 217, 222, 337; II, 6, 328, 449, 455 и др.

²⁾ Тамъ же, IV, 4: „А обожная дань и намѣстничъ кормъ и всякое тягло тянуть ому съ обжы“.

тора, что „доходъ частнаго вотчинника и государственныя повинности у насъ очень хорошо различались“.

Перейдемъ къ разсмотрѣнiю наблюденiй автора по вопросу болѣе общему, а именно по вопросу о томъ, кто былъ способенъ къ тяглу (248—313).

На этотъ вопросъ авторъ предлагаетъ слѣдующiй общiй отвѣтъ: „Способнымъ къ тяглу было все имущее, состоятельное население волостей-княженiй. Тягло несли люди, но не въ смыслѣ „ревизской души“, а въ смыслѣ людей, имѣющихъ нѣкоторое состоянiе“. Но кто же эти имущiе, состоятельные люди, которые несли тягло? „По преобладанiю земледѣльческаго хозяйства въ древней Руси, отвѣчаетъ авторъ, это прежде всего люди, занимающiеся земледѣлiемъ, это сельскiе хозяева. Вотъ почему всѣ древнѣйшiя тяглыя единицы имѣютъ прямое отношенiе къ землѣ. Въ Новгородѣ это обжа, въ Москвѣ сохи, чети“. Но изслѣдованiе объ обжахъ, сохахъ, четяхъ, вытяхъ и другихъ единицахъ обложенiя авторъ откладываетъ до слѣдующей главы; „теперь же онъ указываетъ на положенiе въ обжи и сохи только какъ на необходимое условiе способности къ тяглу. Тягло тянуть лица, земли которыхъ положены въ обжи или въ сохи“ (249).

Прежде всего такая система изложенiя можетъ вызвать рядъ недоумѣнiй. Если условiемъ способности къ тяглу является положенiе даннаго хозяйства въ ту или иную единицу обложенiя, то казалось бы, объ этихъ единицахъ оклада и надо было прежде всего сказать; но авторъ эту существенную въ данномъ вопросѣ тему ставитъ на второй планъ и считаетъ возможнымъ говорить о способности къ тяглу, не выяснивъ условiй этой способности.

Послѣдуемъ, однако, за авторомъ. Такъ какъ въ сохи и обжи кладутся, говоритъ онъ, земли отдѣльныхъ хозяйствъ, то „тягло и лежитъ на хозяинѣ, а не на живущихъ при немъ дѣтяхъ его, рабахъ или наемныхъ людяхъ. Тягло способенъ нести только хозяинъ двора“ (тамъ же). На слѣдующихъ полутора страницахъ перечисляются лица, которыя не были способны къ тяглу по той причинѣ, что не были самостоятельными хозяевами: это холопы, захребетники и подсусѣдники, наймиты и подчиненные члены семьи: сыновья при отцахъ, младшiе братья при старшихъ, племянники при дядяхъ. О захребетникахъ авторъ говорилъ раньше (145—146). Это свободные люди, работавшiе въ крестьянскихъ хозяйствахъ; они тѣ же наймиты. Въ зависимости отъ достатка крестьянина, „захребетникъ его живетъ въ одномъ съ нимъ дворѣ или въ особомъ“. Но если захребетникъ

живетъ въ особомъ дворѣ, какъ узнать, что не онъ хозяинъ двора? Какъ онъ уходитъ отъ тягла въ этомъ случаѣ? То, что сказалъ авторъ о захребетникахъ, далеко не исчерпываетъ всего, содержащагося въ памятникахъ объ этомъ разрядѣ населенія. Разъяснить ихъ положеніе только по писцовымъ книгамъ совсѣмъ нельзя. Авторъ не исчерпалъ полностью и всего матеріала новгородскихъ писцовыхъ книгъ ¹⁾. Онъ не обратилъ достаточнаго вниманія на тѣхъ захребетниковъ, которые не приурочены ни къ какому крестьянскому двору. Если „захребетникъ, думаетъ онъ, называется безъ обозначенія чей онъ, то это, конечно, недописка“. Едва ли это такъ. Въ рядѣ случаевъ захребетники перечисляются послѣ крестьянскихъ дворовъ подъ особой рубрикой: „а захребетниковъ“. О нѣкоторыхъ изъ такихъ сказано, что они „пашни не пашутъ“ ²⁾. Всѣ такіе захребетники показаны въ особыхъ дворахъ, кромѣ одного случая. Какая же тутъ недописка? Можно и объяснить, почему эти захребетники не приурочены ни къ чьему хребту. Въ другихъ памятникахъ о захребетникахъ читаемъ: „живутъ переходя по крестьяномъ, а своихъ дворовъ у нихъ нѣтъ“, „живутъ по крестьянскимъ дворомъ переходя“. Къ какому хребту приурочить такихъ переходящихъ захребетниковъ? По отношенію къ такимъ переходящимъ и могъ возникнуть терминъ, упоминаемый въ памятникахъ: „земскій захребетникъ“, т. е. ничей опредѣленно. Но у этихъ захребетниковъ нѣтъ своихъ дворовъ. Рядомъ съ „захребетниками безъ дворовъ“ упоминаются „дворовые захребетники“ ³⁾, которые, очевидно, имѣютъ свои дворы. Почему бы и этимъ послѣднимъ жить всегда за чьимъ-либо опредѣленнымъ хребтомъ? Развѣ они не могутъ работать разнымъ хозяевамъ? Даже болѣе. Почему они не могутъ заниматься какимъ-либо промысломъ? Въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1621 г. указаны въ посадскихъ дворахъ захребетники; изъ нихъ одинъ названъ „завязочникъ“, другой „судовой яржной“, третій—„портной мастеръ“; о второмъ упомянуто: „а по скаске бѣдень и тягла не платитъ“; первый проживалъ во дворѣ

¹⁾ Онъ говоритъ, что общіе захребетники всегда живутъ въ особыхъ дворахъ. Но вотъ случай, гдѣ у такихъ общихъ захребетниковъ особыхъ дворовъ не было: I, 10, 383; II, 498. Въ общихъ захребетникахъ, по мнѣнію автора, надо видѣть несомнѣнное указаніе на то, что эти дворы ведутъ общее хозяйство. И это одно гаданіе.

²⁾ Писц. новг. кн., II, 618, 690, 692, 696—698, 713—715, 719, 722, 724, 726, 746.

³⁾ Г. Перетятковичъ. Повозжье въ XVII вѣкѣ, стр. 41—42, 44—46.

посадскаго человѣка, на дворишкѣ котораго стояла еще изба ярыжнаго; у нихъ-то и жилъ въ захребетникахъ завязочникъ Ѳетка Ивановъ; о нихъ сказано: „в тяглѣ всѣ с полушки, худы“¹⁾. Отсюда можно заключить, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ захребетники могли быть и сравнительно зажиточными людьми. И этому можно найти документальное подтвержденіе. Въ жалованной грамотѣ причту церкви Николая Великорѣцкаго на Вяткѣ 1556 г. читаемъ: „А захребетниковъ имъ торговыхъ людей въ своихъ церковныхъ дворѣхъ не держать, а учнуть они въ своихъ церковныхъ дворѣхъ держать захребетниковъ, а не нищихъ, которые отъ церкви Божіей питаются, или торговыхъ людей, а тяглецы ихъ въ томъ уличать, и тяглымъ людемъ на захребетникахъ тягло взять вдвое“²⁾. Въ захребетникахъ могли оказаться даже торговые люди. Но въ такихъ случаяхъ, надо думать, подъ именемъ захребетниковъ укрывались закладники. Тѣмъ важнѣе, конечно, было вскрыть такихъ и привлечь въ тягло. При относительной же зажиточности захребетниковъ было бы, казалось, непослѣдовательнымъ освобождать ихъ отъ всякихъ сборовъ. Они и не освобождались. Эти сборы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, носили названіе „оброкъ“ или же „захребетное“ и достигали почтенной цифры³⁾. Не смотря на это, захребетники по памятникамъ въ рядѣ случаевъ совершенно отчетливо противопоставляются тяглымъ людямъ⁴⁾. Какъ же выйти изъ такого видимаго противорѣ-

¹⁾ Писцовая книга по Н. Новгороду въ Русск. Ист. Библ., XVII, 99, 109, 111,

²⁾ Древніе акты Вятскаго края, № 24; А. Э., III, № 67 (1615).

³⁾ Русск. Ист. Библ., VIII, 635—636 (1630): „И я, холопъ твой, сыскалъ на Тюмени посацкихъ захребетниковъ, которые живутъ на Тюмени на посадѣ и по деревнямъ, нашенъ у нихъ своихъ нѣтъ и выдѣльнаго хлѣба съ нихъ неидеть, корматца межъ служивыми и всякими людьми работою, 54 человекъ, . . . а оброку тѣ посацкіе люди съ тюменскими съ посацкими людьми тебѣ государю давали по 4 гривны и по 10 алтынъ съ человекъ на годъ“; Выписъ 179 г. октября 31-го съ отписныхъ книгъ села Павлова Острогу 151 г. (р.кн. изъ частнаго собр.): „Села жъ Павлова съ тридцати с осми человекъ захребетниковъ, которые живутъ въ селѣ Павловѣ по крестьянскимъ дворомъ переходя, оброку 4 рубли 21 алт. 2 денги“; Грам. Колл. Эк., по Яросл. у. № 109/14864 (1630): въ правой грамотѣ Успенскому-Кириллову монастырю не велѣно монастырскихъ дворниковъ привлекать въ посадское тягло, буде они прежь сего на посадѣ не живали и податей и захребетнаго съ посацкими людьми не даывали“. Ср. Русск. Ист. Библ., XIV, № CXLVII (1634); Д. къ А. И., VIII, № 28 VIII (1680).

⁴⁾ Кромѣ случая, указаннаго авторомъ (А. Э. II, № 19), см. еще Арх. Шюстр. Д., приказн. дѣла 1627—1631, № 42: въ намити изъ Устюжской Чети въ Пособный Приказъ о ржевскихъ посадскихъ людяхъ велѣно отписать, въ Кадашовѣ и Хамовничкахъ

чія памятниковъ? Нѣкоторыя данныя для рѣшенія этого вопроса будутъ предложены ниже.

Кромѣ захребетниковъ, по указанію автора, тягла не несли также подсосѣдники. Кто же они такіе? Авторъ замѣчаетъ, что „мы уже знаемъ, что захребетники и подсосѣдники не самостоятельные хозяева“. Къ сожалѣнію, о подсосѣдникахъ въ особенности въ книгѣ ничего не сказано. Можетъ быть, авторъ считаетъ ихъ тождественными съ захребетниками? Между ними дѣйствительно много общаго. Памятники, однако, ихъ различаютъ, упоминая рядомъ, а потому простое отождествленіе ихъ является, быть можетъ, преждевременнымъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что подсосѣдники упоминаются въ памятникахъ очень часто вслѣдъ за сосѣдями, а тѣ и другіе нерѣдко въ составѣ семей, послѣ дѣтей, братья, племянниковъ, причемъ за подсосѣдниками иногда упоминаются захребетники, но далеко не всегда ¹⁾). Повидимому одна черта замѣтно отдѣляетъ сосѣдей и подсосѣдниковъ, съ одной стороны, отъ захребетниковъ, съ другой: тогда какъ послѣдніе нерѣдко проживали въ особыхъ дворахъ, первые—всегда жильцы чужихъ дворовъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ не извѣстны исключенія изъ этого порядка. Сосѣди же и подсосѣдники—термины тождественные. Это видно изъ того, что одинъ терминъ употреблялся вмѣсто другого: въ росписи 1586 г. ямскихъ охотниковъ въ Московской слободѣ, въ Новгородѣ, упомянуты въ особой группѣ „ногородцкіе посадцкіе нетяглые люди, тягла съ своихъ головъ не давали, жили въ подсосѣдникахъ“; но при перечисленіи охотниковъ о каждомъ сказано: „жилъ у того-то въ сусѣдахъ“ ²⁾). Кромѣ того, мнѣ не извѣстны указанія памятниковъ на то, что сосѣди и подсосѣдники платили оброкъ, помимо одного случая, который, быть можетъ, надо объяснить тѣмъ, что въ данномъ случаѣ подсосѣдниками были бобыли ³⁾). Но особенно любопытно указаніе

они „на тяглѣ ль живутъ или въ захребетникахъ“; Акты моск. гос., II, № 4 (1635): на Осколѣ для пыточныхъ дѣлъ выбрать „изъ гулящихъ изъ всякихъ людей, которые живутъ въ сусѣдахъ и въ подсосѣдникахъ и въ захребетникахъ, а не въ службѣ и нашихъ податей не платятъ“; Д. къ А. И., III, № 14 (1647): „а нынѣ живутъ на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ (сибирскихъ городовъ) межъ посадцкими людьми и у пашенныхъ крестьянъ и у ямскихъ охотниковъ въ захребетникахъ, денежного и хлѣбного оброка въ государеву казну не платятъ“; П. С. З., № 981 (1682): въ захребетникахъ безъ тягла жить.

¹⁾ Можайскіе акты, 132; А. О., IV, 27—28; *Замысловскій*, Извлеченія изъ переписныхъ книгъ, стр. 12—90, 104 пр. 1, 107, 120, 164, пр. 1, 224, и др.

²⁾ *И. Я. Гурляндъ*, Новгородскія ямскія книги, 206 и сл.

³⁾ Тамъ же, 97—98, 100.

одного памятника о положеніи въ тягло сосѣдей. Въ упомянутой росписи ямскихъ охотниковъ перечислены пятеро, о каждомъ изъ которыхъ сказано: „жилъ тамъ-то, у того-то въ сусѣдехъ, тягло давалъ съ денегъ“ или „съ дву денегъ“; наряду съ этимъ о другихъ говорится: „жилъ тамъ-то, у того-то въ сусѣдехъ, нетяглой“¹⁾. Но тогда именно сосѣди платили тягло, когда нѣтъ, изъ памятника не видно.

Наконецъ, къ нетяглымъ людямъ отнесены проф. Сергѣевичемъ и холопы. Авторъ приводитъ свидѣтельства трехъ памятниковъ въ подтвержденіе того, что съ холоповъ дань не взималась. Не смотря, однако, на это, онъ въ заключеніе говорить: „Холопы, которые, съ дозволенія господъ, вели свое особое хозяйство, надо думать, полагались въ тягло“ (249). Откуда же это слѣдуетъ? Развѣ хозяйство, какъ таковое, являлось у насъ единицей обложенія? На предыдущей стр. самъ авторъ отмѣтилъ, „люди бѣдные вовсе тягломъ не облагались“. Но у бѣдныхъ людей могло быть и было особое хозяйство, только убогое. Холопы же, какъ бы состоятельны ни были, юридически хозяевами не могли считаться, ибо имущество ихъ, какъ правильно замѣтилъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, „принадлежало имъ попущеніемъ ихъ господъ“. Это значитъ, что у холоповъ не могло быть никакой собственности. Какіе же они тяглецы? До введенія въ Московскомъ государствѣ подворнаго обложенія, когда тягло распредѣлялось на всѣ дворы, кромѣ владѣльческихъ, и когда въ тягло включены задворные люди, въ составѣ которыхъ была значительная доля холоповъ полныхъ и кабальныхъ, холопы у насъ никогда въ тягло не полагались.

За исключеніемъ отмѣченныхъ категорій, всѣ прочіе хозяева, по утвержденію автора, несутъ тягло. Это не только сельскіе хозяева, но и другіе хозяйственные люди, „которые сельскимъ хозяйствомъ не занимались, а обеспечивали себя какими-либо иными путями, напримеръ, рыболовствомъ, разными рукодѣліями, торговлей и пр. Древнѣйшія новгородскія книги уже описываютъ такихъ промышленныхъ людей. Они рассыпаны по всей Новгородской землѣ: это безпашенные люди, такъ называемые поземщики, позднѣ въ Москвѣ бобыли. Сюда же относятся жители городовъ и посадовъ, посадскіе люди, не

¹⁾ Тамъ же, 209—211, 216—220. Объ одномъ читаемъ: „жилъ тамъ-то, у того-то въ сусѣдехъ, а тягло платилъ съ головы съ дву денегъ“; о другомъ: „жилъ тамъ-то, у брата своего въ сусѣдехъ, а во дворѣ въ тиглѣ братъ его“.

занимающіеся земледѣліемъ, а живущіе торговлей и промыслами“ (263—264). Читателю, не знакомому съ порядками обложенія, и узнавшему только, что „тягло тянутъ лица, земли которыхъ положены въ обжи или въ сохи“, очень не легко постичь, какъ привлекаются въ тягло другія лица, которыя занимались не земледѣліемъ, а торговлей и промысломъ. Онъ только на стр. 266, 337 и 342 книги найдеть указанія на то, какимъ образомъ древнѣйшій и московскій сошный окладъ и окладъ обежный примѣнялись къ обложенію торговаго и промышленнаго населенія. Какъ же могло случиться, что авторъ, обычно всегда столь послѣдовательный и точный въ своихъ формулировкахъ, могъ допустить такой промахъ? Но здѣсь дѣло, по всѣмъ видимостямъ, не въ логическомъ промахѣ. Авторъ, очевидно, не считаетъ необходимымъ предварительнаго знакомства съ порядками обложенія для опредѣленія тягоспособности; иначе онъ не поставилъ бы главу объ единицахъ обложенія на второмъ мѣстѣ. Онъ идетъ другимъ путемъ.

Авторъ начинаетъ съ указанія, что тягло лежитъ на землѣ только эксплуатируемой для хозяйственныхъ цѣлей. Это живущія деревни, живущія чети. Но что же такое живущее? По новгородскимъ писцовымъ книгамъ живущее—это населенная деревня, которой противопоставляется деревня не населенная—пустая. Такія пустыя деревни въ обжи не кладутся и въ тягло не идутъ ¹⁾. Въ Москвѣ понятіе живущаго уже иное. Тамъ въ живущее идетъ только „трехъ-польная пашня у жилого двора. Перелогъ, дикое поле, наѣзжая пашня, лѣсъ и покосъ не входятъ въ составъ живущаго“. „Появившаяся послѣ описи пустота въ жи-

¹⁾ Здѣсь я долженъ выразить автору признательность за особое вниманіе къ моимъ мнѣніямъ. Подкрѣпить приведенное въ текстѣ мнѣніе ссылкой на памятники, онъ замѣтилъ: „Такихъ данныхъ много; приводимъ изъ нихъ нѣкоторыя только потому, что г. Дяконовъ „полагаетъ“, что платежъ съ живущей пашни, какъ общее правило, появился только со второй половины XVI вѣка“. Я высказалъ это мнѣніе въ рецензій на книгу П. Н. Милюкова „Спорные вопросы по финансовой исторіи Московскаго государства“. Разбирая доводы послѣдняго о возникновеніи живущей четверти, я, между прочимъ, замѣтилъ: „Вторая посылка автора сводится къ тому, что въ XVI вѣкѣ въ окраинныхъ уѣздахъ, а послѣ смуты и въ центральныхъ, разрѣшены были платежи только съ одной обработанной (живущей) пашни. Но это утвержденіе представляется намъ не менѣе спорнымъ. Мы полагаемъ, что этотъ порядокъ существовалъ (а не „появился“, и безъ „только“), какъ общее правило, повсюду со второй половины XVI вѣка“. Мою поправку проф. Сергѣевичъ дополнилъ ссылкой на старыя новгородскія писцовыя книги. Но и онъ признаетъ, что понятіе „живущаго“ въ Москвѣ было иное.

вущихъ земляхъ не освобождала отъ тягла, но тягло могло быть снято въ случаѣ просьбы и обыска. Для земель же государевыхъ крестьянъ было въ употребленіи покрытіе недоимки разложеніемъ ея на все населеніе города или волости“ (252, 260).

Придя къ выводу, что только живущее сельское хозяйство есть „одно изъ условій тягла“, авторъ переходитъ къ выясненію другихъ или другого. Такъ какъ въ этихъ выясненіяхъ заключается вся особенность приемовъ автора для опредѣленія тяглоспособности, то на нихъ необходимо остановиться подробнѣе.

„Сельское хозяйство отдѣльныхъ лицъ, продолжаетъ авторъ, представляетъ чрезвычайно разнообразную экономическую единицу. И двѣ капли воды не совершенно похожи одна на другую, тѣмъ болѣе разныя сельскія хозяйства. Одно больше, другое меньше; одно имѣетъ угодья, другое никакихъ; одно обставлено хорошимъ хозяйственнымъ инвентаремъ, другое—очень недостаточнымъ; одно ведется съ умѣньемъ, другое находится въ рукахъ безтолковыхъ людей, которые едва кормятся отъ земли. Какъ же опредѣлялась платежная способность разныхъ хозяйствъ? Она опредѣлялась не количествомъ распаиваемой пашни (живущаго), а экономическимъ состояніемъ всего хозяйства. Наши памятники съ самаго начала XV вѣка и по конецъ XVII-го даютъ на это совершенно ясныя и опредѣленные указанія. Одни изъ нихъ выражаются очень коротко, другіе гораздо подробнѣе и хорошо дополняютъ первые; въ цѣломъ получается полная и чрезвычайно выразительная картина“ (260). Далѣе приводятся выдержки изъ памятниковъ. Эти свидѣтельства давно уже отмѣчены въ литературѣ. Въ нихъ идетъ рѣчь объ обложеніи данью удѣловъ, волостей и селъ на основаніи описи „по людямъ и по силѣ“, „по сохамъ и по людямъ“, „по силѣ“. Авторъ не сомнѣвается, что эти выраженія обозначаютъ: „по хозяйственной силѣ людей“, „въ каждой сохѣ людей по ихъ силѣ“. Но гдѣ авторъ видѣлъ такія описи, въ которыхъ отмѣчались не только размѣры хозяйствъ и принадлежащія къ нимъ угодья, но и хозяйственный инвентарь и даже хозяйственное умѣнье владѣльцевъ? Или онъ думаетъ, что подобныя данныя принимались во вниманіе писцами, но не попали подъ прямыя указанія описи? Подобную мысль уже высказывалъ 12 лѣтъ назадъ г. Владиславлевъ, желая объяснить различныя размѣры обещъ ¹⁾. Отсюда видно, что мысль проф. Сергѣевича не нова. Но вотъ что оригинально. Указан-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1892, № 8, стр. 230—231; ср. „Древность“, 269, пр.

ныя имъ данныя относятся къ XV вѣку, отъ конца котораго дошли до насъ первыя книги. Изъ нихъ и по конецъ XVII вѣка онъ подбираетъ указанія источниковъ, поясняющія, по его убѣжденію, короткія и не очень ясныя выраженія „по сохамъ, по людямъ, по силѣ“. Необходимо ихъ здѣсь повторить. „А вел. князя оброкъ въ той волости всѣхъ боярщинъ крестьяномъ разметывать межъ себя по пашнѣ“; „А собирать имъ тотъ годовой оброкъ... съ волостей по животамъ и промысламъ, какъ иныя тягли межъ себя разводять“; „А сбирати имъ тотъ оброкъ межъ себя самимъ по пашнямъ, и по животамъ, и по статкамъ, и по промысламъ“; окладъ стрѣлецкихъ денегъ велѣно положить „на дворы, смотря по тяглу и промысламъ, и собирать такъ, чтобы богатые полные люди передъ бѣдными во льготѣ, а бѣдные передъ богатыми въ тягости не были“. Авторъ считаетъ особенно любопытными послѣднія два свидѣтельства. Все это, конечно, очень любопытно. Но позволительно спросить, что же общаго между этими свидѣтельствами конца XV, XVI и XVII вѣковъ съ болѣе ранними указаніями памятниковъ XV вѣка? Въ послѣднихъ рѣчь идетъ объ обложеніи данью удѣловъ, волостей, селъ; для того предпринимается и самая опись, чтобы опредѣлить, какую данью придется обложить каждый удѣлъ, каждую волость, село, которые распределены между сыновьями и вдовами великихъ князей-завѣщателей. Важно было установить, сколько дани въ татарскій выходъ долженъ платить каждый изъ князей-сыновей и княгиня. Завѣщатель и указываетъ правила такого обложенія: „по сохамъ, по людямъ, по силѣ“. Что это значить? До сихъ поръ этого не удалось вполне выяснитъ. А что содержатъ свидѣтельства второй категоріи? Въ нихъ рѣчь идетъ о томъ, какъ размѣстывать, разводить, собирать межъ себя самимъ оброкъ и стрѣleckія деньги, размѣръ которыхъ заранѣе уже опредѣленъ, т.-е., рѣчь идетъ о раскладкѣ и ни слова не содержится о порядкѣ обложенія. Памятники говорятъ о совершенно разныхъ предметахъ. А проф. Сергѣевичъ хочетъ объяснить одними данными данныя совершенно другія: правилами раскладки объяснить порядокъ обложенія. Онъ такъ и поступаетъ. При раскладкѣ опредѣляется индивидуальный окладъ cadaго плательщика. Такъ же поступили сначала и при обложеніи, думаетъ проф. Сергѣевичъ; вотъ его слова: „конечно, первоначально клались въ соху и земли по индивидуальной оцѣнкѣ cadaго владѣнія, а не по числу четей земли“ (340). А что же служило мѣриломъ этой оцѣнки, спросить съ недоумѣніемъ читатель? Отвѣтъ проф. Сергѣевича готовъ: это животы и промыслы, статки, угодыя и пашня, но

не по ея размѣрамъ,—такъ можетъ думать только незнакомый съ древностями, — а по ея достоинствамъ, урожайности и доходности. Одно все-таки остается непонятнымъ: если наша древность до исхода XV вѣка обладала столь тонкими приемами кадастра, то какъ же случилось, что все это было утрачено и окладная система организациі обложенія перешла въ раскладочную? Разъясненіе этого вопроса лежитъ на обязанности автора.

Но разъ отказавшись проводить различіе между обложеніемъ и раскладкой, авторъ уже послѣдовательно заключаетъ: „Если землевладѣльцы облагались не по размѣрамъ землевладѣнія, а по хозяйственной своей способности къ тяглу, то было совершенно послѣдовательно признать способными къ тяглу и всѣхъ другихъ хозяйственныхъ людей, которые сельскимъ хозяйствомъ не занимались“ (263). Какъ только примирить съ этимъ указаніе самого же автора на положеніе въ обжа и сохи какъ на условіе, и даже необходимое условіе, способности къ тяглу (249)? Прослѣдимъ мысль автора на примѣрѣ бобылей.

Сначала небольшое отступленіе pro domo mea. Проф. Сергѣевичъ посвятилъ двѣ страницы разбору предложенной мною характеристики бобылей. Одну черту этой характеристики онъ беретъ изъ моей книги: „Типичною и господствующею формою бобыльства мы считаемъ бобылей не пашенныхъ и не тяглыхъ, имѣвшихъ собственную усадебную осѣдность“. Другую черту онъ заимствуетъ изъ „Положеній“, предназначенныхъ для диспута (въ интересахъ читателей это едва ли удобно; достать мои „Положенія“ теперь очень трудно): „Бобыли въ XVI вѣкѣ имѣли только усадебную осѣдность, собственной запашки или самостоятельнаго хозяйства у нихъ не было, а потому они не включались въ разрядъ тяглыхъ людей“. Критикъ мнѣ возражаетъ: „Ни одинъ изъ признаковъ бобыльства, приводимыхъ въ обоихъ опредѣленіяхъ не соответствуетъ дѣлу. У бобылей не было собственной земли, но „собственная запашка на арендуемой землѣ“ у нихъ встрѣчается....Наоборотъ, „собственной усадебной осѣдности у бобылей не было. Ихъ дворы всегда находились на владѣльческой или княжеской землѣ, а не на ихъ собственной. „Самостоятельное же хозяйство“ было у очень многихъ бобылей“ (467—468). Долженъ признать, что терминъ „собственный“ примѣнительно къ усадьбѣ бобыля употребленъ мною неправильно; слѣдовало его замѣнить терминомъ „особый“. Употребленіе термина „собственный“ не въ строго юридическомъ смыслѣ, вмѣсто „особый“, допускаетъ и самъ критикъ. Про заклад-

чиковъ у него сказано, что они живутъ у своихъ кредиторовъ „въ ихъ дворахъ, а не въ своихъ собственныхъ. Они бросили свое хозяйство и перешли на чужое“ (Русск. Юр. Др., т. 1, изд. 2, 290). Но надо признать, что и это не точно. Относительно собственной запашки бобылей мой критикъ хотя и возражаетъ, утверждая, что она „встрѣчается“, но вслѣдъ за этимъ признаеть самъ, „что бобыли, обыкновенно, пашенной земли не снимали, а потому въ обжи и сохи не клались“. Съ меня довольно этого, и спорить тутъ не о чемъ. Касательно же „самостоятельнаго хозяйства“ я опять готовъ сдѣлать уступку: слѣдовало сказать—„самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства“, что отчасти явствуетъ изъ союза „или“, который у критика не точно превратился въ „и“. Что я не отрицаю всякое хозяйство у бобылей, читатель усмотритъ изъ того, что я признаю у бобылей усадебную осѣдность, при наличности каковой, конечно, хоть какое-нибудь убогое хозяйство должно существовать.—Но вотъ гдѣ критикъ взвелъ на меня полную напраслину: „Обложение бобылей податями авторъ относить къ XVII вѣку, въ XVI вѣкѣ они, по его мнѣнію, люди не тяглые. Но и въ XVII вѣкѣ не всѣ бобыли тяглые. Тѣ, которые ходили „межъ дворъ“ и питались отъ міра, конечно, ничего не платили, ибо у нихъ не было ни „животовъ, ни промысловъ“. Но гдѣ же я сказалъ, что всѣ бобыли въ XVII вѣкѣ обложены податями? Я говорилъ только о дворовыхъ бобыляхъ, а этого не оспариваетъ и критикъ. Главное разногласіе у насъ съ нимъ въ томъ, что я считаю дворовыхъ бобылей до введенія новой окладной единицы—„живущей четверти“ не тяглыми, а онъ доказываетъ обратное. Посмотримъ, какъ онъ приходитъ къ этому выводу.

Проф. Сергѣевичъ начинаетъ съ поземщиковъ. Онъ и мнѣ ставитъ на видъ, что я не замѣтилъ связи поземщиковъ съ бобылями ¹⁾. Готовъ принять и это замѣчаніе. Но думаю, что между поземщиками и бобылями надо проводить и разницу. Общее между ними только одно: они не пашенные люди и платятъ за пользованіе усадебной осѣдностью „поземъ“ или „оброкъ“. О поземщикахъ авторъ говоритъ: „между ними были и весьма состоятельные и очень бѣдные“ (130). А что значить бобыль? Вотъ отвѣтъ автора: „Бобыль и въ старину, конечно, имѣлъ то же значеніе, что и теперь, это—одинокій, бѣдный человѣкъ“ (134). Значить, понятіе поземщика шире: бобыль соотвѣт-

¹⁾ На это еще раньше проф. Сергѣевича указалъ мнѣ г. Н. Рожковъ. *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1899, № 1, стр. 241.

ствуешь худому поземщику. О поземщиках авторъ замѣчаетъ, что они „въ обжи не кладись; это потому, что въ обжи кладется пахотная земля, а они люди непашенные. Но это не значить, что они не несутъ повинностей. Въ писцовыхъ книгахъ о поземщикахъ-рыболовахъ не разъ говорится, что они обложены оброкомъ на великаго князя „за обежную дань“ (131). Но имѣются и прямыя указанія на то, что поземщики тянутъ тягло ¹⁾. Но какъ же это могло быть, если положеніе въ обжи и сохи являлось необходимымъ условіемъ способности къ тяглу? На этотъ вопросъ отчасти отвѣтилъ въ примѣчаніи къ вышеприведеннымъ словамъ самъ авторъ, указывая, что „непашенные рыболовы положены въ луки, а луки тѣ же обжи“. Значить, въ отношеніи одной части поземщиковъ вопросъ рѣшается просто: они были положены въ луки, приравненные обжамъ. А какъ понять выраженіе, что поземщики тянутъ тягло съ городчаны? Надо знать, какъ облагались тягломъ городчане. А этотъ вопросъ для конца XV вѣка далеко еще не выясненный. По краткости описей и для автора въ этомъ вопросѣ не все ясно (240). Иныя же изъ его заключеній вызываютъ сомнѣнія. Онъ, напримѣръ, утверждаетъ, что „если старѣйшія писцовыя книги не описываютъ лавокъ, то это значить, что лавки не составляютъ предмета особаго обложенія“ (234). Изъ грамоты же на черный боръ мы знаемъ, что лавка принималась при обложеніи за соху (134 пр. и 266). А въ половинѣ XVI вѣка обжѣ приравненъ посадскій дворъ (342). Надо думать, что поземщики городчане, если тянули тягло, также положены были въ окладъ примѣнительно къ обежному счету. Но авторъ смотритъ на вопросъ иначе.

„Изъ того, говорить онъ, что писцовыя книги не всегда говорятъ о платежѣ безпашенными людьми оброка вмѣсто обежныхъ денегъ, еще не слѣдуетъ, что они не участвуютъ въ платежѣ этихъ денегъ. Обежныя деньги платила деревня, и деревенскіе дворы, конечно, сами распредѣляли между собой эту тягость. Дворы безпашенные стояли на земляхъ деревни, пользовались выгонами и, разумѣется, имѣли огороды. Нѣкоторые изъ поземщиковъ были богаче крестьянъ.

¹⁾ Новг. писц. кн., III, 12—13: „А поземщиковъ....а даютъ позему въ монастырь 15 денегъ; а тягломъ тянуть въ конецъ въ Неревской; а великаго князя оброка на нихъ за дань не положено того дѣя, что тянуть въ конецъ въ Неревской“. Тамъ же, 831: „поземщики....а писаны были четырма обжами, а пашни у нихъ нѣтъ, живутъ промысломъ ловлю, а тянутъ потугомъ съ городчаны“. Ср. тамъ же, 958; Врем. XI, 113—114, 130 и др.

Почему бы такіе сравнительно богатые люди не привлекались ододеревенцами къ участию въ платежѣ обожной дани? Какъ видно, авторъ опять вопросъ объ обложеніи свелъ къ вопросу о раскладкѣ: сами распредѣляли, а потому привлекали поземщиковъ. Вопросъ же заключается въ томъ: обожныя деньги, которыя, по словамъ автора, платила деревня, налагались на деревню по числу описанныхъ въ ней обожъ или размѣръ этихъ денегъ увеличивался, если въ деревнѣ описаны еще поземщики, не положенные въ обожі? Авторъ хочетъ подкрѣпить свою мысль ссылкой на примѣръ безпашенныхъ рыболововъ, которые „платили даже особый оброкъ вмѣсто обожной дани“, и не видитъ причины, „почему бы населеніе деревни должно было освободить достаточныхъ владѣльцевъ непашенныхъ дворовъ отъ участія въ платежѣ обожной дани“ (131—132). Но рыболовы клались въ луки, а потому окладъ обожной дани или оброка за нее, нававшій на деревню, исчислялся по суммѣ обожъ и луковъ.

Авторъ считаетъ, однако, возможнымъ допустить, что „худые люди“ между непашенными и не привлекались къ платежу обожной дани; но „это не составитъ все-таки отличительнаго признака безпашенныхъ людей, такъ какъ и крестьяне освобождались отъ тягла, если приходили въ худое состояніе“. Здѣсь опять не ясно, о чемъ идетъ рѣчь: о раскладкѣ или обложеніи. Охудѣвшіе крестьяне при описи или получали срочную льготу, или совсѣмъ исключались изъ оклада, если совсѣмъ „отбыли пашни“; случаевъ же, когда крестьяне, владѣющіе тяглыми участками, освобождались отъ участія въ раскладкѣ, я не знаю.

Но если худые поземщики не привлекались къ платежу, то, казалось бы, бобыли не должны были привлекаться къ обложенію, такъ какъ, по опредѣленію самого автора, это—одинокіе, бѣдные люди, т. е., худые. Однако, авторъ иного мнѣнія. Онъ приводитъ указаніе писцовой книги въ разъясненіе порядка обложенія непашенныхъ людей села Лотошина Микулинскаго уѣзда. Въ виду важности вопроса, приведемъ эту выдержку: „И писцы... тѣ непашенные дворы пооброчили, потому что въ сошномъ письмѣ не пригодятца, а прежде сего былъ въ оброкѣ жъ, а платили оброку въ годъ по 46 алт. по 4 ден., а нынѣ оброку имъ платити въ великаго князя казну въ Дворцовой Приказъ за ямскіе и за приметные деньги и за мелкой доходъ и за иные за всякіе подати на годъ по 2 руб. и по 13 алт. и по полу-5 ден., съ двора по гривнѣ, да пошлинъ дворецкого и діячихъ 4 алт. съ полуден., съ рубля по 10 ден., а съ волосными имъ людьми, съ па-

шенными крестьяны, съ сельчаны и съ деревенщики не тянутъ въ ямскіе и приметныя денги, и въ посошную службу, ни въ посошной хлѣбъ, ни въ мелкой доходъ, ни въ иные ни въ которые подати ни волостные ни въ какіе размѣты съ сельчаны и деревенщиками не тянутъ, ... а разводити имъ тотъ оброкъ межъ собою самимъ по животомъ и по промысламъ и по дворомъ" (Писц. кн. XVI вѣка, II, 335). А вотъ комментарий автора: „На бобыляхъ лежатъ и ямскія и приметныя денги и нѣкоторыя другія подати, какъ и на крестьянахъ, но раскладываются иначе: не по сохамъ, ибо у нихъ нѣтъ земли, а по животамъ, и промысламъ, и по дворамъ. Полагаемъ то же дѣлалось и въ Новгородѣ съ обезной данью. Это дѣлается и въ XVII вѣкѣ. По сотной 1627 г. крестьянамъ черныхъ волостей предписывалось верстаться „по пашнѣ и по угодыю“, а бобылямъ „по промысламъ и по животамъ“ (Неволинъ, Прилож., 131)“ (134).

Во всемъ этомъ, однако, много недоумѣннаго. Памятникъ говоритъ, что бобыли платятъ оброкъ взаменъ всякихъ податей, отъ которыхъ они освобождены по точно указанной причинѣ: они не годятся въ сошное письмо. Крестьяне же положены въ сошное письмо, по которому и тянутъ всякія подати; бобыли же съ ними не тянутъ. А авторъ увѣряетъ читателя, что на бобыляхъ лежатъ всякія подати, какъ и на крестьянахъ. Это прежде всего не вѣрно. Всю разницу между бобылями и крестьянами съ точки зрѣнія платежа податей авторъ сводитъ къ раскладкѣ: бобыли раскладываютъ подати по животамъ, промысламъ и дворамъ, а не по сохамъ, какъ, очевидно, раскладываютъ крестьяне, что подтверждено ссылкой на предписание верстаться крестьянамъ „по пашнямъ и по угодыямъ“. Но гдѣ и когда крестьяне раскладывали подати по сохамъ? Верстаться по пашнямъ и угодыямъ вовсе не значить по сохамъ, ибо угодыя въ сошное письмо не включались. Все это хорошо извѣстно автору, который разъяснилъ это на стр. 263, а на стр. 261 объясняетъ, что „по пашнѣ“ вовсе не значить по размѣрамъ пашни. Тамъ же авторъ приводитъ рядъ данныхъ, изъ которыхъ видно, что крестьяне раскладывали подати по животамъ, промысламъ, статкамъ, но отнюдь не по сохамъ. Какъ это примирить? И гдѣ же разница между крестьянами и бобылями съ точки зрѣнія раскладки, если тѣ и другіе раскладываютъ по животамъ, промысламъ, статкамъ? Какъ выходитъ изъ такихъ противорѣчій авторъ, остается только догадываться. Но едва ли можно сомнѣваться, что причина такихъ противорѣчій кроется въ томъ, что авторъ не различаетъ обложенія и раскладки.

Быть можетъ, авторъ думаетъ, что бобыли облагались по животамъ и промысламъ, какъ крестьяне по сохамъ? Но и это не вѣрно. У насъ обложеніе по животамъ и промысламъ примѣнялось только къ посадскимъ торговымъ людямъ при взиманіи 5-й, 10-й и 20-й денги на военныя нужды.

Но что же значить оброкъ, взимаемый съ бобылей за государевы подати? Былъ ли этотъ оброкъ только инымъ видомъ тягла или нѣтъ? Этотъ вопросъ тѣмъ умѣстнѣе поставить, что другой историкъ, сильно расходившійся во взглядахъ съ проф. Сергѣевичемъ, по вопросу о бобыляхъ высказалъ мнѣніе, вполне совпадающее съ мнѣніемъ послѣдняго: г. Рожковъ также думаетъ, что бобыли были тяглые люди, ибо они платили оброкъ не только „въ смыслѣ арендной платы за усадьбу, частновладѣльческаго дохода, но также и въ смыслѣ суммы, замѣнявшей всѣ подати, которымъ бобыли подлежали, какъ тяглые люди“. Яркимъ доказательствомъ этому онъ считаетъ указаніе сотной 1562—63 г. по волости Керети, гдѣ „дворы великого князя непашенные“ положены въ оброкъ по 8 алт. 2 ден. съ двора, „а тотъ на нихъ оброкъ положенъ съ ихъ дворовъ и зъ животовъ и с промысловъ за сошной оклад“¹⁾. Это свидѣтельство, хотя и приведенное очень кратко, повидимому совершенно подобно указанію писцовой книги о непашенныхъ людяхъ села Лотошина. Что же значить оброкъ съ непашенныхъ людей за сошныи окладъ или государевы подати?

Для освѣщенія этого вопроса воспользуемся прежде всего мнѣніемъ проф. Сергѣевича. Вотъ его отвѣтъ на вопросъ: кто былъ способенъ къ тяглу. „Люди бѣдные вовсе тягломъ не облагались: они или не несли никакихъ повинностей, или, вмѣсто тягла, платили разъ навсегда опредѣленный оброкъ... По нижегородской описи 1621 г. въ Нижнемъ оказалось 140 дворовъ посадскихъ людей очень бѣдныхъ; они также въ тягло не были положены. Но „дворишко вдовы Просковьи Левонтьевой, жены Оконшикова“, исключенный также по бѣдности изъ тягла, былъ обложенъ, вмѣсто тягла, единовременнымъ оброкомъ въ 10 алтынъ. Такихъ „дворишекъ“ въ Нижнемъ было нѣсколько. Податное положеніе ихъ было гораздо легче положенія тяглыхъ дворовъ: вмѣсто разноименныхъ повинностей, тяжесть которыхъ представляла неопредѣленную величину и постоянно мѣнялась, они платили разъ навсегда опредѣленный оброкъ“ (248). Позволительно спросить, что представляли изъ себя тѣ обидѣвшіе посадскіе люди, которые вмѣсто тягла пла-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1899, № 1, 240.

тели оброкъ? Тяглые они люди или не тяглые? Изъ приведенныхъ только что словъ можно, кажется, скорѣе сдѣлать заключеніе, что они люди не тяглые. Но обратимся къ самому памятнику. Въ Нижегородской описи 1621—22 г. указано, что выборные люди сказали писцамъ „про посадскихъ и про всякихъ людей... хто въ каковѣ окладѣ в тяглѣ по ихъ мирскому окладу, и которые посадские і всякие тяглые люди обхудали и обнищали,—і впередъ тѣмъ людямъ за худобою и за бѣдностью во всякихъ государевыхъ податехъ платити і в сошномъ писмѣ с посадскими быти не мочно“. Писцы распросили выборныхъ „про тѣхъ обхудалыхъ тяглыхъ людей... и на тѣхъ обхудалыхъ тяглыхъ людей, на которыхъ мочно, положили денежной оброкъ, покаместа хто обживется“. Обхудалые люди названы здѣсь тяглыми, хотя о нихъ замѣчено, что имъ нельзя быть „въ государевыхъ податяхъ и сошномъ писмѣ“. Это надо и возможно понимать только въ томъ смыслѣ, что они до недавняго времени были въ тяглѣ, но навсегда исключены изъ него и будутъ платить оброкъ только до тѣхъ поръ, пока поправятъ свое расшатанное хозяйство. Но что они въ этомъ временномъ положеніи не считаются тяглыми людьми, это доказывается самою описью. Объ отдѣльныхъ такихъ оброчникахъ читаемъ: „дворишко посадского челоуѣка Юрки Медвѣтчика извопника, сказали: бѣдень, в тяглѣ быти за бѣдностью не пригодитца, и Юрке платити оброку на годъ по 12 алт. по 2 ден.“; „дворишко посадского челоуѣка Митки сапожного мастера, сказали: бѣдень и для бѣдности в тяглѣ быти не мочно, и Митке платити оброку по 12 алт. по 2 ден.“ и т. д. Въмѣсто указанныхъ характеристикъ очень часто стоятъ болѣе краткія замѣтки: „такой-то худъ и бѣдень, и ему платити оброкъ“. Въ итогѣ сказано: „Да в городе жъ и на посадохъ і в слободахъ тяглыхъ же двѣсте четыре дворишковъ и избъ, а по розмотру писцовъ и по скаске земскихъ старостъ и посадскихъ выборныхъ людей тѣ люди обхудали и бѣдны, а за худобою и за бѣдностью в тяглѣ в сошномъ писмѣ и въ государевыхъ податехъ с посадскими людьми быти имъ не мочно, а для ихъ бѣдности и худобы положенъ на нихъ оброкъ, покаместа хто изъ нихъ оправитца“. Оброкъ положенъ не одинаковый, а по четыремъ статьямъ—съ 12 алт. 2 ден. до гривны съ двора. Кромѣ этихъ 204 дворишекъ и избъ, перечислены еще 141 дворишковъ, избенокъ и кельишковъ посадскихъ же людей—вдовъ, яржныхъ и бѣдныхъ людей, которые за худобою и за бѣдностью съ посадскими людьми никакихъ податей не платятъ и „в тяглѣ

с посадскими людьми быти имъ не мочно, и оброкъ на нихъ денежной для ихъ худобы и бѣдности не положенъ“¹⁾).

Эти свидѣтельства многое выясняютъ. Теперь понятно, почему непашенные люди села Лотошина „не пригодились въ сошное письмо“. Не потому, какъ думаетъ проф. Сергѣевичъ, что у нихъ нѣтъ пашни; а потому, что имъ „тянути съ сельчаны и деревенщики“ не мочно по бѣдности. Не такъ же ли надо понимать и оброкъ „за сошный окладъ“ съ непашенныхъ дворовъ въ Керети? Во всякомъ случаѣ положеніе въ оброкъ вмѣсто тягла по бѣдности было явленіемъ вовсе не исключительнымъ²⁾. Какъ же слѣдуетъ называть такихъ оброчниковъ: тяглецами или не тяглыми людьми? Вопросъ самъ по себѣ ясенъ и дѣло не въ названіи. Пускай тотъ, кому это нравится, называетъ ихъ тяглыми людьми, которые тягла не несутъ.

Чтобы не возвращаться еще разъ къ бобылямъ, отмѣтимъ еще два замѣчанія о нихъ проф. Сергѣевича. Въ своихъ „Очеркахъ“ (стр. 216) мнѣ пришлось отмѣтить указаніе дозорной книги 1627 г., что многіе „дворяне и дѣти боярскіе и монастыри крестьянъ своихъ у дозорщиковъ въ 128 году утаили, а которыхъ и не утаили, и онѣ крестьянъ своихъ писали для тягла бобылями“. Это свидѣтельство представляется мнѣ однимъ изъ подтвержденій того вывода, что бобыли въ то время тягла не несли. Проф. Сергѣевичъ иначе комментируетъ это мѣсто. „Такъ какъ непашенные люди, говоритъ онъ, платятъ не съ сошнаго письма, а по животамъ и промысламъ, а эти животы и промыслы могутъ быть у бобылей очень невелики, то господамъ при переписи выгодно показывать крестьянъ бобылями“. Онъ извлекъ изъ этого свидѣтельства выводъ прямо противоположный: „Правительство обратило на это вниманіе еще въ началѣ XVII вѣка и въ дозорныхъ книгахъ 1628 г. предписывало новоприбылыхъ крестьянъ и бобылей класть въ живущее тягло и въ четвертную пашню

¹⁾ Русск. ист. библ., XVII, 4, 46, 47, 195. См. выше.

²⁾ Городъ Угличъ въ XVII в., изд. М. А. Липинскаго, 145: „Да на Угличѣ жъ 22 дв. вдовыхъ, а въ сошное письмо они для скудости не положены, а положенъ на нихъ денежной оброкъ съ дв. по гривнѣ“; А. Ю. № 231 (1674): на Бѣлозерѣ насчитано 112 дворовъ вдовыхъ и посадскихъ старыхъ и увѣчныхъ людей; про нихъ сказано: „И тѣ дворы... въ живущіе чети въ сошное письмо не положены для того, что тѣхъ дворовъ посадскіе люди старые и увѣчные и бродятъ въ мирѣ, а торговъ у нихъ и никакыхъ промысловъ нѣтъ, а положенъ на нихъ денежной оброкъ съ двора по 5 алт.“.

„кому на чемъ мочно впредь жити и государевы всякія подати платити“ (140). Выходить, что бобылей клали въ тягло.

Гдѣ же истина? Правительство принимаетъ мѣры противъ злоупотребленій, которыя заключались въ томъ, что владѣльцы однихъ изъ своихъ крестьянъ утаили, другихъ назвали и записали въ дозоръ бобылями. Назначенный новшій дозоръ долженъ былъ устранить эти злоупотребленія. Для этого дозорщики должны были сыскать и написать въ дозорныя книги: 1) утаенныхъ крестьянъ, 2) крестьянъ, названныхъ и записанныхъ бобылями, и 3) крестьянъ новоприбылыхъ. Это все крестьяне, а потому и велѣно ихъ положить въ живущее тягло, въ четвертную пашню, конечно, соотвѣтственно тому, кто на чемъ будетъ жить. Выгода для господъ владѣльцевъ писать крестьянъ бобылями вовсе не въ томъ, что у бобылей можно показать худые животы; такіе животы можно бы показать и у крестьянъ. Но тогда правительство приняло бы мѣры противъ утайки имущества у плательщиковъ. Къ тому же и обложеніе бобылей по животамъ проф. Сергѣевичемъ вовсе не доказано. Оброкъ съ непашенныхъ людей села Лотошина назначенъ, вопреки утверженію проф. Сергѣевича, не съ животомъ, а съ дворовъ, по гривнѣ съ каждаго. Но „разводить“ этотъ оброкъ, т. е., произвести его раскладку предоставлено непашеннымъ людямъ межъ себя самимъ по животамъ и пр.

Послѣднее замѣчаніе о бобыляхъ. Въ первой половинѣ XVII в. вводится новая окладная единица—живущая четверть. Мнѣ казалось и кажется возможнымъ объяснить это нововведеніе желаніемъ правительства ввести въ тягло до тѣхъ поръ не тяглыхъ бобылей, число которыхъ послѣ смуты замѣтно возрасло насчетъ крестьянъ. Проводя эту реформу, правительство поступило осторожно: оно не желало облагать бобылей сразу такъ, какъ и крестьянъ, и для того придумана была такая окладная единица, по которой бобыльской дворъ облагался вполовину противъ крестьянскаго. Проф. Сергѣевичъ предлагаетъ другое объясненіе этой мѣры. „Дошедшіе до насъ указы, говоритъ онъ, не объясняютъ мотивовъ нововведенія. Но объ нихъ можно догадываться. Есть основаніе думать, что въ XVII вѣкѣ бобыльство получило большое развитіе и число бобыльскихъ дворовъ сравнительно съ крестьянскими значительно возросло. Крестьянскіе и бобыльскіе дворы при подворномъ обложеніи расцѣвивались по животамъ и промысламъ, по землямъ и угодьямъ. Надо думать, что такая расцѣвка не всегда была правильная, и вотъ явилась мысль составить такую окладную единицу, въ которой податное отношеніе крестьянскихъ

дворовъ къ бобыльскимъ было бы точно опредѣлено и не зависѣло отъ усмотрѣнія окладчиковъ“ (346). Здѣсь все не ясно. О какомъ подворномъ обложеніи крестьянъ и бобылей до введенія живущей четверти говоритъ авторъ? Читатель уже знаетъ, что авторъ раньше установилъ различіе между крестьянами и бобылями: первые платятъ подати по сохамъ, землямъ и угодымъ, вторые по животамъ, промысламъ и дворамъ (134). А здѣсь расцѣнка дворовъ уже одинаковая? Далѣе. Живущая четверть — окладная единица, какъ признаетъ и авторъ. По развѣ раскладка послѣ введенія ея упичтожилась? И, наконецъ, самое главное: зачѣмъ нужно было это нововведеніе, если бобыли и раньше платили тягло? Число ихъ увеличилось, правда, насчетъ крестьянъ; равновѣсіе сборовъ могло отъ того нарушиться и доходы казны могли уменьшиться. Но для устраненія этого зла не нужна была новая окладная единица. Самъ авторъ правильно замѣтилъ что „величина поступленій нѣсколько не зависѣла отъ особенностей нашихъ единицъ обложенія. Каждая изъ нихъ допускала и тяжелое, и легкое обложеніе: стоило только увелѣчить или уменьшить окладъ“ (368). Значитъ, достаточно было увелѣчить сборы съ бобылей. Зачѣмъ же понадобилась живущая четверть?

Собственными силами читателю не разобраться въ этихъ недоумѣнныхъ вопросахъ, если авторъ не подоспѣетъ къ нему на помощь съ новыми разъясненіями.

Установивъ общее положеніе, что „способны къ тяглу всѣ домохозяева, имѣющіе какое-либо приносящее прибыль занятіе“ (265), авторъ задается вопросомъ: что же облагается? „Нашей древности еще чужда мысль, что обложенію подлежитъ только чистый доходъ; но что облагаются не души людскія, а состоянія, это всѣмъ извѣстно и составляетъ повсемѣстную практику“ (265). Такимъ образомъ авторъ подошелъ къ вопросамъ обложенія еще въ главѣ о тягоспособности и далѣе говоритъ о сохѣ и обжѣ въ Новгородѣ, о сохѣ московской, четверти, т. е. объ единицахъ обложенія, о которыхъ говоритъ и въ слѣдующей главѣ. Это, конечно, было неизбѣжно, но едва ли благоприятно отразилось на цѣльности картины и послѣдовательности изложенія. Поэтому дальнѣйшее изложеніе можетъ быть изучаемо лишь въ тѣсной связи съ главой объ окладныхъ единицахъ.

Слѣдить за всѣми подробностями мнѣнія автора по даннымъ вопросамъ представляется, однако, невозможнымъ. Настоящая замѣтка и такъ уже разрослась. Отмѣтимъ только наиболѣе важное.

То, что говоритъ авторъ о новгородской сохѣ и въ особенности

объ обжа, весьма любопытно. Онъ первый, кажется, отмѣтилъ, что обжа имѣеть двоякое значеніе. Это мнѣніе надо принять. Въ одномъ смыслѣ обжа обозначаетъ мѣру земли, хотя и нельзя сказать, какъ она были велика; въ другомъ—это „мѣра доходности земли“ или „идеальная единица обложенія“ (261, 315). Что обжа была мѣриломъ доходности земли, въ этомъ позволительно усумниться; но безспорно она была единицею обложенія. Подходящаго обложенія у насъ въ то время и быть не могло. Что обжа во всякомъ случаѣ единицею измѣренія дохода не была, это видно изъ указаній автора. Онъ начинаетъ свое объясненіе извѣстнаго лѣтописнаго извѣстія 1478 г. о сохѣ и обжѣ съ замѣчанія, что „встрѣчающіяся въ нашей литературѣ остроумныя и весьма тонкія толкованія этого мѣста лѣтописи затемнили его смыслъ“. Обжа это не „единица труда одного коннаго рабочаго“ безъ опредѣленія даже времени, на него потраченнаго; это — „одинъ человѣкъ пашеть на одной лошади, т. е. одноконный хозяинъ и, ничего больше. Это чрезвычайно просто и чрезвычайно удобно для обложенія. Всѣ хозяйства съ одной лошадыю, сколько бы земли они ни обрабатывали,—составляютъ обжу. Здѣсь обложенъ не трудъ, а накопленное имущество, признакомъ котораго берется конь“. Значить, обжа и не была мѣрою доходности земли. Но если бы объясненіе ея, какъ единицы обложенія, въ указанномъ авторомъ смыслѣ оказалось пригоднымъ для истолкованія во всѣхъ случаяхъ росписи по обжамъ новгородскихъ владѣній, то это было бы весьма важнымъ шагомъ впередъ въ изученіи экономическаго быта нашей старины. Къ сожалѣнію, самъ авторъ признается, что предложенное имъ новое объясненіе обжи далеко не все объясняетъ, а потому и не можетъ пока имѣть большого значенія ¹⁾.

Но авторъ говорить о новгородской сохѣ и обжѣ не только какъ объ единицахъ обложенія, но еще какъ и объ единицахъ платежа. У него читаемъ: „Единицею обложенія въ Новгородѣ была соха; на кого же падаетъ сошная дань, кто и что составляетъ соху, какъ платежную единицу?“ Указавъ по грамотѣ 1437 г. на черный боръ, что обозначаетъ и чему приравнивается соха, онъ замѣчаетъ: „Каждый такой хозяинъ и составляетъ то одну, то двѣ платежныхъ единицы“ (265—266). Относительно обжи сказано: „Въ новгородскихъ волостяхъ было очень много деревень въ одинъ дворъ, положенныхъ въ одну

¹⁾ „Но что должна означать въ приведенномъ случаѣ половинна обжи, а въ другихъ подобныхъ—одна обжа на два двора, двѣ на три и т. д., это не ясно“ (271).

обжу, и въ два двора, положенныхъ въ двѣ обжи. Такимъ образомъ, каждое отдѣльное хозяйство составляло и окладную, и платежную единицу. То же самое можно наблюдать и въ деревняхъ со многими дворами. Напр., деревня въ 5 дворовъ положена въ 6 обержъ. Это указываетъ на 4 хозяйства съ одной лошадыю и одно съ двумя, и опять каждое изъ этихъ четырехъ хозяйствъ въ одно и то же время и окладная и платежная единица“ (272). О четверти авторъ также говоритъ, что она „несомнѣнно играла роль окладной и платежной единицы“ (281). Наоборотъ, „дворъ, какъ единица обложенія, и дворъ, какъ единица платежа, не одно и то же“ (344).

Что же это такое единица платежа? Насколько опредѣленно и безспорно значеніе термина „единица обложенія“ или „окладная единица“, настолько же не ясно значеніе термина „платежная единица“. Авторъ съ своей стороны нигдѣ не указываетъ, что собственно онъ понимаетъ подъ этимъ терминомъ. Для уясненія его читателю остается воспользоваться тѣми указаніями автора, гдѣ онъ разъясняетъ, когда понятія „единица обложенія“ и „единица платежа“ совпадаютъ и когда они расходятся. Вотъ что авторъ говоритъ объ окладной и платежной обжѣ: „Когда отдѣльный крестьянскій дворъ представляетъ однолошадное хозяйство, дворъ есть обжа, а обжа въ одно и то же время и окладная, и платежная единица. Этотъ повгородскій дворъ—обжа можетъ быть сближенъ съ дворомъ—дымомъ начальной лѣтописи, а обержная дань съ подымной. Но были богатые дворы, съ двумя, тремя и болѣе лошадей. Въ этихъ случаяхъ окладная единица расходилась съ платежной. Окладная останется та же, дань будетъ назначена съ каждой обжи, т. е. съ каждаго однолошаднаго хозяйства; а платежной единицей будетъ одинъ дворъ, но съ двумя, тремя и болѣе лошадей. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ на одинъ дворъ приходится не всегда одна обжа, а нерѣдко двѣ, три и болѣе. И наоборотъ на одну обжу приходится иногда два двора, на двѣ—три и т. д., на семь—девять дворовъ. Здѣсь опять окладная единица расходится съ платежной, но въ другомъ направленіи. Были безлошадные дворы. Безлошадное хозяйство не составляло цѣлой обжи, а нѣкоторую ея долю. Вотъ почему число обержъ въ этихъ случаяхъ меньше числа дворовъ. Итакъ, окладная обжа то совпадаетъ съ платежной, и въ этомъ случаѣ она равняется двору, то нѣтъ, и въ этомъ случаѣ то одинъ дворъ кладется въ нѣсколько обержъ, то нѣсколько дворовъ въ одну“ (316). Говоря далѣе о дворѣ, какъ окладной единицѣ, авторъ отмѣчаетъ, что „дворъ, какъ единица обложенія, и дворъ, какъ едн-

нища платежа, не одно и то же. Мѣстнымъ жителямъ предоставлялось путемъ раскладки повинностей по животамъ и промысламъ уравнивать тѣ неравенства, которыя являлись естественнымъ слѣдствіемъ неравенства отдѣльныхъ дворовъ. Но и это не все. Правительство и съ своей стороны принимало мѣры къ тому, чтобы приспособить эту единицу обложенія къ мѣстнымъ потребностямъ. Дворъ, какъ единица обложенія, въ однихъ мѣстахъ считался большою цѣнностью и облагался сильнѣе, въ другихъ—меньшею и облагался легче“. Авторъ приводитъ примѣръ оклада стрѣльцовыхъ денегъ по дворамъ и заключаетъ: „Такимъ образомъ, окладной дворъ приспособлялся къ особенностямъ мѣстности, въ однихъ городахъ онъ цѣнился выше, чѣмъ въ другихъ; да кромѣ того, въ каждой мѣстности окладной дворъ распадался на отдѣльные платежные дворы, которые платили по ихъ животамъ и промысламъ, а не по окладу“ (344—345).

Изъ этихъ разъясненій съ очевидностью вскрывается, что платежная единица—это отдѣльный плательщикъ. Каждый плательщикъ, конечно, какъ особь, есть единица. При взиманіи податей съ имущества, у каждаго изъ плательщиковъ имущество можетъ равняться единицѣ обложенія, превышать ее или составлять ея часть. Окладная единица при этомъ не мѣняется и, какъ единица измѣренія, остается сама себѣ равною. Платежная единица постоянно мѣняется, она не равна самой себѣ. Какая же это единица? Терминъ выбранъ чрезвычайно неудачно и только вводитъ читателя въ сомнѣнія. Въмѣсто платежной единицы надо вездѣ понимать плательщика, такъ какъ ничего другого представить себѣ подъ „платежной единицей“ невозможно. Но что въ такомъ случаѣ можетъ обозначать указаніе автора, что „каждый такой хозяинъ составляетъ то одну, то двѣ платежныхъ единицы“ (266), этого я не умѣю истолковать.

Понятіе объ окладной единицѣ не могло бы, казалось, подавать поводовъ къ какимъ-либо недоумѣніямъ. Однако, у читателя „Древностей“ они могутъ возникнуть. Въ главѣ о тяглоспособности онъ прочтетъ, какъ опредѣлялась эта тяглоспособность въ Новгородѣ и въ Москвѣ. „Тяглоспособность каждаго отдѣльнаго хозяина опредѣлялась въ Новгородѣ нѣкоторыми вышними признаками; въ области сельскаго хозяйства — числомъ лошадей“ (272). „Въ распоряженіяхъ московскаго правительства о раскладкѣ повинностей на отдѣльныхъ домохозяевъ, которыя надо считать наиболѣе древними, не встрѣчается никакихъ указаній на вышніе признаки ихъ благосостоянія. Правительство ограничивается требованіемъ, чтобы государевы крестьяне и

посадскіе платили, по людямъ смотря, по ихъ животамъ и промысламъ, по торговлѣ, по статкамъ, по тому, кто чего стоятъ. Благосостояніе плательщиковъ не опредѣляется никакимъ внѣшнимъ признакомъ, распредѣляющимъ ихъ въ нѣкоторыя группы, равно способныя къ платежу, какъ въ Новгородѣ. Въ Москвѣ мы имѣемъ дѣло не съ группами равноспособныхъ плательщиковъ, а съ отдѣльными плательщиками, которыхъ способность къ платежу индивидуальна... Какъ же достигалось въ Москвѣ выясненіе и опредѣленіе индивидуальной способности къ тяглу? Правительство предписывало плательщикамъ самимъ распредѣлять между собою тягло,—по людямъ смотря“ и т. д. Для этого плательщики избирали особыхъ цѣловальниковъ, (273—274). Съ перваго взгляда можетъ показаться, что здѣсь идетъ рѣчь о разныхъ вещахъ: въ Новгородѣ объ обжахъ, а обжа окладная единица: въ Москвѣ же о раскладкѣ, а не объ обложеніи. Но въ главѣ объ окладныхъ единицахъ рѣчь идетъ о московской сохѣ, какъ единицѣ обложенія. Древнѣйшія указанія на то, что такое соха, авторъ черпаетъ изъ княжескихъ завѣщаній. „Князья, говоритъ авторъ, не узаконяютъ ничего новаго, они говорятъ о порядкѣ вещей всѣмъ извѣстномъ, а потому выражаются коротко. Дѣло идетъ о распредѣленіи татарской дани между вновь созданными удѣлами. Вотъ для этого и нужно произвести новую опись, которая въ завѣщаніи и предписывается. Самая же опись производится по старому, давно установленному порядку, о которомъ нѣтъ надобности распространяться. Что же это за порядокъ? Плательщики кладутся въ сохи, смотря по людямъ, по ихъ силѣ. Итакъ, въ Москвѣ, какъ и въ Новгородѣ, древнѣйшая единица обложенія опредѣляется по мѣру земли, а состояніемъ хозяйства людей, ихъ экономической силою. Въ Новгородѣ состояніе хозяйства измѣрялось нѣкоторыми общими внѣшними признаками, а въ Москвѣ? Мы уже знаемъ, что въ Москвѣ такихъ общихъ признаковъ не было; состояніе хозяйства плательщика измѣрялось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ индивидуально, согласно показаніямъ выборныхъ людей, цѣловальниковъ. Такъ поступали при опредѣленіи платежной способности каждаго отдѣльнаго тяглеца, также должны были поступать и писцы при составленіи окладныхъ единицъ, т. е., сохъ“ (319).

Отсюда надо заключить, что порядки обложенія въ Новгородѣ и Москвѣ существенно различались. Новгородская обжа имѣетъ внѣшніе признаки; московская соха никакихъ общихъ внѣшнихъ признаковъ не имѣетъ; эту соху писцы должны были составить изъ отдѣльныхъ

индивидуально оцененных хозяйствъ. Такъ говоритъ авторъ. Но какъ это надо понимать? И можно ли вообще это понять? Думаю, что невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, что такое окладная единица? Это единица измѣренія налогоспособности. Въ зависимости отъ различія объектовъ обложенія и окладныя единицы весьма различны. Но при всемъ разнообразіи этихъ единицъ у каждой изъ нихъ непременно должно быть на лицо одно качество: годность для измѣренія податнаго объекта. То, что служитъ для измѣренія, непременно должно имѣть внѣшніе признаки. За отсутствіемъ ихъ, какъ можно что-либо измѣрять? Если московская соха не имѣла внѣшнихъ общихъ признаковъ, она и не могла быть окладной единицей. Поэтому и нельзя понять, какъ писцы могли опредѣлять окладную единицу, т. е., соху, путемъ индивидуальной оцѣнки каждаго хозяйства. Какъ же они эти хозяйства оцѣнивали? По поводу индивидуальной оцѣнки налогоспособности авторъ замѣтилъ: „Кажется, и выдумать нельзя порядка обложенія болѣе совершеннаго“ (274). Но это можно принять лишь съ тою существенною оговоркою, если для этой индивидуальной оцѣнки хозяйства существуютъ объективныя мѣрки. А за отсутствіемъ послѣднихъ это не только плохой порядокъ обложенія, это полное отсутствіе какого-либо порядка, одинъ голый произволъ. Что писцы дѣйствовали не одни и не тайно, а описывали и клали въ сохи въ присутствіи заинтересованныхъ и ихъ сосѣдей, все это не могло устранить ужасающаго произвола, кому бы ни принадлежало рѣшающее слово (319). Неужели возможно допустить такой произволъ въ обложеніи каждаго отдѣльнаго хозяйства въ Москвѣ до половины XVI вѣка? Но авторъ этого не говоритъ; наоборотъ, онъ очень хвалитъ московскіе порядки обложенія, считая ихъ совершеннѣйшими. Тамъ налогоспособность опредѣлялась по состоянію хозяйства; „состояніе же хозяйства плательщика измѣрялось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ индивидуально“ (319).

Кажется, ключъ къ разгадкѣ найденъ: если хозяйство измѣрялось, то была, значитъ, какая-нибудь мѣра для измѣренія. Эта мѣра и будетъ окладной единицей, если только она примѣняется для измѣренія состоянія всѣхъ хозяйствъ даннаго района. Вѣдь не можетъ же быть индивидуальной мѣры у каждаго отдѣльнаго хозяйства для измѣренія его налогоспособности? Должна же существовать какая-нибудь общая мѣра для сравненія платежной способности двухъ сосѣднихъ хозяйствъ? Но у проф. Сергѣевича иная точка зрѣнія на вопросъ. Онъ говоритъ даже объ индивидуальной единицѣ обложенія; о старой московской и новгородской сохѣ онъ замѣчаетъ: „такая индивидуальная единица

обложенія не могла быть очень большая“ (337). И это вовсе не обмолвка. Уже было указано, что авторъ считаетъ старую московскую соху окладною единицею. По эта соха составляется или опредѣляется по усмотрѣнію писцовъ. „Предоставленіе писцамъ права, утверждаетъ авторъ, класть пашню отдѣльныхъ мѣръ въ сохи по особенностямъ хозяйства должно было повести къ появленію сохъ самыхъ различныхъ размѣровъ. Такъ это и было въ дѣйствительности“ (321). Если окладная единица измѣняется отъ хозяйства къ хозяйству, то будетъ столько индивидуальныхъ единицъ обложенія, сколько хозяйствъ, и окладная единица не будетъ равна себѣ самой. Что ею можно измѣрить? Загадка объ измѣреніи состоянія каждаго отдѣльнаго хозяйства такъ и остается не разгаданной.

У читателя должно получиться весьма запутанное впечатлѣніе о платежныхъ и окладныхъ единицахъ. При такихъ условіяхъ слѣдить ему за авторомъ „Древностей“ въ изложеніи вопроса о соотношеніи между окладными единицами и о смѣнѣ ихъ очень не легко. Трудность усугубляется здѣсь существомъ дѣла, такъ какъ при настоящемъ состояніи источниковъ далеко не все можетъ быть удовлетворительно объяснено въ исторіи окладныхъ единицъ.

Выше уже пришлось говорить о томъ, какъ авторъ понимаетъ обжу и старую московскую соху. Съ половины XVI в. московская соха получаетъ значеніе земельной мѣры. Авторъ вполне присоединяется къ этому мнѣнію, впервые высказанному П. Н. Милюковымъ, но не соглашается съ послѣднимъ въ томъ, что реформа сошнаго письма стоитъ въ связи съ проектомъ генеральной переписи Стоглаваго собора, и съ своей стороны считаетъ вопросъ—„когда именно, какъ и почему совершился переходъ отъ старой небольшой сохи къ крупной сохѣ XVI вѣка“—открытымъ (381—384) ¹⁾.

¹⁾ Къ удивленію своему я прочелъ обвиненіе въ „большой неустойчивости мнѣнія по данному вопросу“. Эта неустойчивость проявилась будто бы въ томъ, что я считалъ устраненнымъ послѣ выводовъ г. Милюкова господствовавшее въ нашей литературѣ со временъ Бѣляева мнѣніе о колебаніяхъ въ размѣрахъ сохъ въ теченіе всего XVI вѣка и затѣмъ призналъ, что соха, какъ окладная единица, и во второй половинѣ XVI вѣка, послѣ преобразованій 1551 г., представляла значительныя колебанія. Авторъ замѣчаетъ: „Не смотря на то, что мнѣніе Бѣляева о колебаніи сохъ въ теченіе всего XVI вѣка устранено, соха продолжаетъ колебаться и во второй половинѣ XVI вѣка! Последнее мнѣніе совершенно вѣрно“ (384 пр.). Но въ чемъ же неустойчивость мнѣнія? Бѣляевъ считалъ соху за геометрическую мѣру земли въ теченіе всего XVI в. Этотъ неправильный взглядъ устранилъ П. Н. Милюковъ, дога-

Авторъ далѣе говоритъ о томъ, какъ большая соха стала замѣняться четвертью, разсматриваетъ дворовую соху и дворъ, какъ окладныя единицы, указываетъ возникновеніе дворовой четверти, о чемъ уже была рѣчь выше, наконецъ, отмѣчаетъ и окладное значеніе выти. Въ число окладныхъ единицъ у проф. Сергѣевича попала даже волость. У него читаемъ: „Въ виду значительнаго количества крестьянъ, оказавшихся прекарными владѣльцами конфискованныхъ земель (въ Новгородѣ), правительство перевело лежавшій на нихъ господскій доходъ на деньги и возложило его уплату на цѣлое крестьянское общество конфискованнаго имѣнія—волости. Если же имѣніе небольшое, нѣсколько такихъ владѣній соединялись въ одну волость для уплаты господскихъ великому князю повинностей. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ новгородскихъ пятинъ возникли особыя *окладныя еди-*

завшій, что такое значеніе соха приобрѣла только во второй половинѣ XVI в. Съ своей точки зрѣнія Бѣлевъ говорилъ о колебаніяхъ въ геометрическихъ размѣрахъ сохъ за весь XVI в. Но если соха приобрѣла значеніе геометрической мѣры земли только со второй половины XVI в., то о колебаніяхъ въ геометрическихъ размѣрахъ сохи можно говорить только относительно второй половины этого вѣка, что у меня и сказано. И проф. Сергѣевичъ со всѣмъ этимъ согласенъ. Въслѣдъ за Милюковымъ и онъ говоритъ, что „только съ половины XVI в. сохи получили значеніе земельной мѣры“; и онъ утверждаетъ, „что эта мѣра была разная“; и онъ признаетъ „взглядъ Бѣлева на соху, какъ на геометрическую мѣру земли не вѣрнымъ“, такъ какъ до половины XVI в. размѣръ сохи опредѣлялся по количеству земли (379, 381). Во всемъ этомъ нѣтъ разногласія. Но тѣмъ не менѣе онъ думаетъ, что „указанное Бѣлевымъ непостоянство размѣровъ сохи въ теченіе всего XVI в.—соотвѣтствуетъ дѣйствительности“ (377). Я же такого заключенія и принять не могу по той простой причинѣ, что сравнивать можно только вещи соизмѣримыя; а соха первой половины XVI в. совсѣмъ не то, что соха второй половины этого вѣка.

Кстати и еще маленькое замѣчаніе. Проф. Сергѣевичъ приводитъ въ своей книгѣ взятое у меня указаніе, что въ Вятской землѣ въ концѣ XVI в. соха измѣрялась вытями, а выти различались по качеству земли, при чемъ на выть доброй земли шло 10 четей, средней 12, худой 14. Авторъ замѣчаетъ, что „ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что на Вятскую землю распространился московскій обычай одобриванія земель. Жаль только, что почтенный авторъ не замѣтилъ, что выть въ 10 четей есть новгородская обжа“ (367 пр.). Проф. Сергѣевича нисколько не удивило, что на Вяткѣ сохи различались по качеству земли; для меня же было интересно отмѣтить, что въ этой нѣкогда новгородской области примѣнена система одобриванія, тогда какъ въ другихъ новгородскихъ областяхъ эта система не нашла примѣненія, о чемъ и замѣчено мною на той же страницѣ, съ которой взялъ авторъ „Древностей“ свѣдѣнія о вятской сохѣ. А что обжа назывались вытями, объ этомъ самъ проф. Сергѣевичъ впервые узналъ изъ моей же замѣтки, въ концѣ страницъ непосредственно предшествующей цитированной.

ницы для платежа клязю только господскихъ повинностей. Эти особыя единицы, крестьянскія волости, получили права“ и пр. (353). Надо думать, что это простой lapsus linguae. Волости могли бы быть податными округами, но никогда окладными единицами.

Но будемъ останавливаться на подробностяхъ. Помимо выше отмѣченныхъ, въ нихъ заслуживаютъ вниманія еще нѣкоторыя наблюденія автора надъ видоизмѣненіями сошнаго письма въ XVI в., къ которымъ отсылаемъ читателя. Но интересна точка зрѣнія автора на соотношеніе различныхъ окладныхъ единицъ. Авторъ не находитъ никакого историческаго преемства, никакой исторической смѣны различныхъ окладныхъ единицъ. „Указанныя единицы обложенія, говоритъ онъ, возникнувъ въ разныя времена, не вытѣсняють, однако, одна другую, и существуютъ всѣ вмѣстѣ. Въ XVII в. ихъ можно наблюдать одновременно“ (345). „Окладныхъ единицъ къ XVII в. накопилось у насъ много“. Авторъ думаетъ, однако, что различіе между ними не было такъ велико, какъ можетъ показаться. Онъ сводитъ всѣ окладныя единицы къ двумъ типамъ, „которые въ концѣ концовъ сливаются въ одинъ“ (?). Но такое соединеніе въ типы не уничтожаетъ множества единицъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои особенности, отиудъ не безразличныя въ практическомъ приложеніи. Авторъ самъ признаетъ, что „практическія удобства этихъ единицъ различны, а потому правительство и переходитъ отъ одной къ другой въ безпрерывныхъ поискахъ наиболѣе удобнаго способа обложенія“ (367—368). Чѣмъ же руководится правительство въ своихъ поискахъ? Авторъ указываетъ только одинъ мотивъ—практическое удобство, не опредѣляя его ближе. Но такое указаніе ничего не объясняетъ. Можетъ быть, наблюдаемыя одновременно окладныя единицы прилагались къ разнымъ повинностямъ? Авторъ это отрицаетъ: „ни одна изъ этихъ единицъ не была приурочена къ сбору какого-либо особаго вида повинностей“. Онъ отрицаетъ и предположеніе, что правительство въ своихъ поискахъ стремилось къ увеличенію сборовъ. „Думать, говоритъ онъ, что какой-либо изъ этихъ способовъ можетъ увеличить количество поступленій, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Величина поступленій нисколько не зависѣла отъ особенностей нашихъ единицъ обложенія. Каждая изъ нихъ допускала и тяжелое, и легкое обложеніе: стояло только увеличить или уменьшить окладъ“. Извлекло ли, по крайней мѣрѣ, правительство изъ своихъ безпрестанныхъ исканій какой-нибудь полезный урокъ? Авторъ склоненъ на этотъ вопросъ дать, наконецъ, утвердительный отвѣтъ. „Есть, однако, основаніе думать, замѣчаетъ онъ, что долговременный

опытъ привелъ московское правительство къ убѣжденію въ практическомъ превосходствѣ подворнаго обложенія. На эту мысль наводитъ то, что установленная въ концѣ XVII в. стрѣлцкая подать взималась съ дворовъ“ (368). Но замѣтимъ, что, по автору, „дворъ является древнѣйшей единицей обложенія“ (341). Итакъ, исторія обложенія у насъ завершилась въ концѣ XVII в. тѣмъ, съ чего началась: дворъ—дымъ первоначальной лѣтописи и дворъ конца XVII в., по мнѣнію автора, тождественныя единицы обложенія. Онъ утверждаетъ, что „съ конца IX в., когда русскія племена платили дань хозарамъ съ дыма, эта единица удерживается въ теченіе всей нашей исторіи“. Грустный выводъ, если согласиться съ авторомъ: потраченные на поиски за болѣе удобными окладными единицами восемь вѣковъ пропали безъ пользы для исторіи обложенія.

Но въ какой мѣрѣ близокъ авторъ къ истинѣ? Правъ ли онъ въ своихъ заключеніяхъ и о одновременномъ существованіи всѣхъ окладныхъ единицъ, и о переходѣ отъ одной къ другой по какимъ-то непонятнымъ соображеніямъ удобства? И какъ примирить эти два заключенія? Думаю, что авторъ поторопился съ своими выводами и не доказалъ ихъ. При настоящемъ положеніи источниковъ далеко не всему въ исторіи обложенія можно дать удовлетворительное объясненіе. Но авторъ едва ли нечерпалъ и наличные источники. Онъ, на примѣръ, утверждаетъ, что значеніе двора, какъ окладной единицы, осталось неизмѣннымъ съ IX в. по конецъ XVII-го. Между тѣмъ можно документально доказать, что въ одномъ XVII в. такое значеніе двора измѣнилось не одинъ разъ.

Еще одно и послѣднее замѣчаніе. Въ главѣ о способности къ тяглу проф. Сергѣевичъ, выясняя вопросъ, кто облагался тягломъ, пришелъ къ выводу, что „по общему правилу все населеніе княженій было обязано нести государственныя повинности. Это общее правило стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. По изъ общаго правила, во-1-хъ, допускалось множество исключеній, во 2-хъ, разнообразіе повинностей приводило къ замѣнѣ однихъ другими, чѣмъ также нарушался принципъ общаго тягла“ (283, 287—288). Выше уже было замѣчено, что этотъ основной выводъ долженъ быть ограниченъ болѣе существенными изыятіями, чѣмъ указанныя авторомъ. Такъ прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что еще при господствѣ сошнаго обложенія по указу царя Федора Ивановича боярская запашка при усадьбѣ помѣщика пѣвкомъ или въ нѣкоторой своей части подлежала обложенію, если помѣщикъ служилъ государеву службу. Самый указъ еще не извѣстенъ, но

ссылка на него и примѣненіе къ Вѣжонской пятинѣ имѣются въ дорзорной книгѣ 1593—94 г. ¹⁾).

Но особенно трудно защищать выводъ о всеобщности тягла для XVII в., когда сошное письмо вытѣсняется новыми окладными единицами—живущею четвертью и дворомъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ и имѣніяхъ, гдѣ вводилось обложеніе по живущимъ четвертямъ, тягло упало только на крестьянскіе и бобыльскіе дворы, при чемъ къ бобыльскимъ дворамъ приравнены дворы проживающихъ за владѣльцами торговыхъ и мастеровыхъ людей и бѣлопашцевъ. Дворы же боярскіе и монастырскіе оказались внѣ тягла. Но на ряду съ владѣльческими дворами не попали въ тягло еще дворы людскіе, монастырскихъ дѣтенышей и иныхъ монастырскихъ разночинцевъ. Съ введеніемъ двороваго обложенія захвачены въ тягло и дворы задворныхъ и дѣловыхъ людей, монастырскихъ дѣтенышей и всякихъ монастырскихъ разночинцевъ. А владѣльческіе дворы по прежнему остались внѣ тягла. Обще правило объ обязанности всего населенія государства нести государственныя повинности не только не стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, но для XVII в. совершенно не вѣрно. Понятіе о неподатномъ состояніи у насъ возникло не съ введеніемъ подушной подати, а подготовлено указами и практикой XVII в.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить нѣкоторыя частныя противорѣчія въ наблюденіяхъ и утверженіяхъ автора. На стр. 322-й читаемъ: „На основаніи писцовыхъ книгъ второй половины XVI в. можно думать, что писцамъ даются уже опредѣленные указанія относительно того, сколько четвертей пашни надо класть въ соху, по различнымъ для разныхъ разрядовъ лицъ и для разныхъ мѣстностей“. А на стр. 330-й сказано, что писцы не всегда слѣдовали указаніямъ книги сошнаго письма. „Вотъ почему, думаемъ, описи конца XVI в. и представляютъ большое разнообразіе. Указныхъ предписаній, надо думать, не было; все рѣшалось практикой“.—Понятіе старины примѣнительно къ старожильцамъ оказывается чрезвычайно относительнымъ: „только что поселившійся, накануне дарованія льготы, будетъ уже старожилецъ по отношенію къ новіку, и 20 лѣтъ прожившій—тоже старожилецъ“ (460). А въ выраженіи „ямъ по старинѣ шестой день“—по старинѣ значить „давно, лѣтъ 30—40 по крайней мѣрѣ“ (191).—„Привилегіи, сколько бы ихъ ни было, никогда не превращаются сами собой въ общее правило“ (457). Жалованная грамота есть частное

¹⁾ Н. Рожковъ. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в., 266—268.

распоряженіе. Значить, частными распоряженіями не можетъ быть проведена никакая реформа? А въ XVI в., по указанію автора, въ руки государя перешли въ городахъ торговыя площади, лавки и мѣста подъ ними. „Мы не имѣемъ объ этомъ общаго указа, да можетъ быть, его и не было, и реформа совершилась путемъ частныхъ распоряженій и не вездѣ“ (235).

Впрочемъ, быть можетъ, тутъ и нѣтъ противорѣчій. Но читателю не легко будетъ выяснитъ истинный смыслъ сопоставленныхъ замѣчаній.

М. Дьяконовъ.

Prásek, Dějiny Starověkých Národů v ústředních. V Praze. 2 t. (безъ обозначенія года).

Исторія древняго Востока, наряду съ исторіей древней Греціи, принадлежитъ къ тѣмъ областямъ историческаго знанія, въ которыхъ въ настоящее время совершаются наиболѣе замѣчательныя открытія, и которыя могутъ живо интересовать всякаго образованнаго человѣка. Не говоря уже о великихъ открытіяхъ XIX вѣка въ области египтологіи и ассириологіи, связанныхъ съ именами Шампольона, Гротефенда, Ботты, Лэйярда, Раулинсона, Смита и друг., достаточно указать на интересъ, возбужденный недавно горячимъ споромъ по вопросу о „Вавилонѣ и Библии“, по которому возникла цѣлая литература ¹⁾, или открытіемъ кодекса законовъ вавилонскаго царя Гаммураби (около 2.200 л. до Р. Хр.),—кодекса, составляющаго теперь предметъ изученія многихъ специалистовъ—ориенталистовъ, историковъ, юристовъ и даже богослововъ—разныхъ странъ Европы.

Тѣмъ сильнѣе ощущается потребность въ такомъ сочиненіи, которое давало бы въ связномъ и систематическомъ видѣ исторію древняго Востока, на основаніи обширнаго матеріала, какъ стараго, такъ и новооткрытаго, и новѣйшихъ изслѣдованій. Во французской и нѣмецкой литературѣ есть превосходные труды, напр., Масперо и Эдуарда Мейера (я разумю I томъ его „Geschichte des Alterthums“, вышедшій, правда, 20 лѣтъ тому назадъ и теперь, конечно, устарѣлый; но авторъ готовитъ новое изданіе его). У насъ имѣется „Древнѣйшая исторія Востока“ З. А. Рагозиной; но это—прекрасная, популярная книга, а не самостоятельный, ученый трудъ. За-то на чешскомъ языкѣ есть

¹⁾ Обзоръ этой такъ называемой „Babel-und Bibel-Literatur“ можно найти въ *Liter. Centralblatt*, 1903, № 50 (статья Jensen'a).